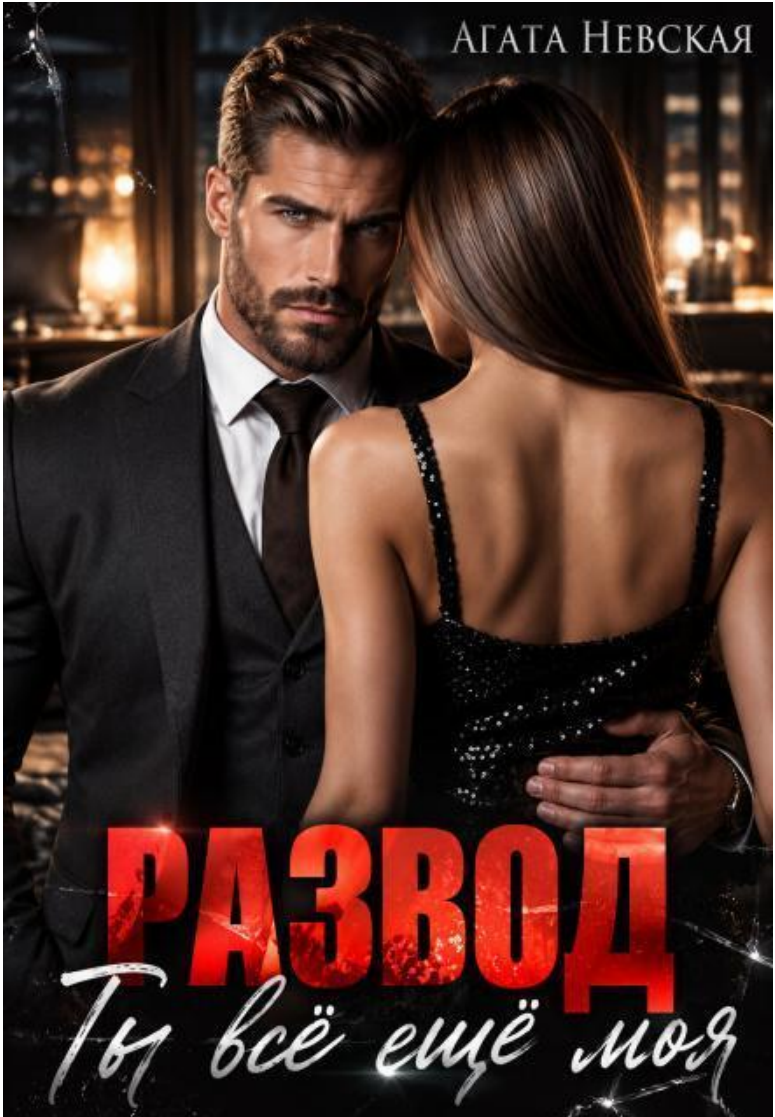

Агата Невская
РАЗВОД
Ты всё ещё моя

Агата Невская

Развод. Ты все ещё моя

https://litres.ru/74713599

Аннотация

– Ну? Что опять тебе ещё втемяшилось? – муж насмешливо смотрит на меня. – Мне втемяшилась женщина, которая утверждает, что она твоя жена, претендует на этот дом и тебя, в качестве мужа и отца ее ребенка, – я стараюсь говорить спокойно и холодно, но это у меня плохо получается и голос дрожит. *** Мне казалось, что я вытянула счастливый билет: красивый и успешный муж, чудо-сыночек, собака, дом – полная чаша. Все, как на открытке, где нарисована счастливая семья. И так и было, пока я не поняла, что за чудовище мой муж, который манипулировал мной годами. Теперь же он хочет отобрать у меня сына и лишить всего. Но я не дам ему такого шанса! И что еще делать с тем, кто вновь появился в моей жизни? Тот, который разбил мне сердце много лет назад… * Внимание: 18 +, в тексте есть сцены курения, алкоголь и обсценная лексика.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	37
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	52
Глава 9	57
Глава 10	63
Глава 11	70
Глава 12	75
Глава 13	79
Глава 14	85
Глава 15	89
Глава 16	95
Глава 17	100
Глава 18	105
Глава 19	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Глава 1

– Анна, выжги у себя в мозгу и никогда не забывай: «Мужчина должен уходить из дома с полным животом и пустыми яйцами»! Чему я тебя всегда учила? – сварливо спросила мама. Низкий прокуренный голос по ту сторону провода был недовольным. Впрочем, как и всегда.

– Мам, ну хватит придумывать какие-то нелепые законы и высказывания. Все это ерунда. Я доверяю Игорю. Иначе зачем тогда создавать семью? – я морщусь от маминых нравоучений, прижимаю трубку щекой к плечу и одновременно открываю духовку, чтобы достать запечённого цыпленка с овощами.

– Где твой муж? – резко спросила она вместо ответа.

– Они с Егоркой уехали на выходные на лыжах кататься. Куда-то на базу. Игорю втемяшилось, что его отпрыск, да, да, мама, не фырчи, он так и сказал – отпрыск, должен уже в таком возрасте уверенно скатываться со склона. Чччерт, – я все-таки обожглась о дверцу духовки. – Мам, подожди, сейчас включу динамик, у меня руки заняты.

– А ты почему не поехала? – еще более сухо спросила мама уже по громкой связи.

– Ну ты же знаешь, я не люблю горные лыжи, – я опять морщусь, теперь уже от саднящего ожога. – И Игорь сказал, что они едут исключительно мужской компанией.

То, что он еще добавил «нам бабы там не нужны», я не стала передавать маме. Она не чаяла души в зяте, а я старалась не разочаровывать ее такими высказываниями своего любимчика. Мне порой казалось, что своего зятя она любит больше, чем родную дочь.

– Ты как была наивной дурочкой, так и осталась, – припечатывает меня любимая мама.

– Вот уж спасибо, – обижаюсь я.

В это время раздается звонок в дверь, и я с удивлением смотрю на часы. Странно, я не муж с сыном еще не должны вернуться, а я больше никого не жду. Дейзи, наша голден ретривер, заливисто лает.

– Тихо, девочка, место, – цыкаю я на собаку и уже обращаюсь к маме. – Мам, кто-то звонит в дверь. Перезвонишь или подождешь?

– Подожду, – отвечает мама и по звуку я понимаю, что она закуривает.

Я иду в прихожую и не глядя в глазок, распахиваю дверь. На меня смотрит молодая женщина, которая держит за руку девочку лет четырех. Я всматриваюсь в нее, приветливо улыбаюсь и пытаюсь понять, откуда я помню ее лицо.

Надо сказать, красивое и ухоженное лицо. Кажется, что она моложе меня, но при более пристальном взгляде я понимаю, что нет. Если она и моложе, то ненамного. Просто регулярные косметические процедуры могу скостить лет десять точно. А то, что она завсегдатай салона красоты, я да-

же не сомневаюсь. Об этом говорили и идеальные брови, и длинный взмах наращенных ресниц, и пухлые от гиалуронки губы. Сейчас эти губы капризно искривились, когда она небрежно осмотрела меня с ног до головы.

Ну да. Я сейчас выгляжу не лучшим образом. Всю ночь сидела над подработкой, которую мне подкинула наш главред издательства, поэтому утром в зеркале я увидела темные круги под глазами. Кудрявые от природы непослушные волосы сейчас выбились из пучка и торчат во все стороны. А одета я… Шорты да любимая застиранная майка. По моим расчетам у меня еще куча времени до приезда моих мужчин, чтобы успеть привести себя в порядок. А когда я одна дома, имею полное право ходить, как угодно и в чем угодно.

Я холодно смотрю на посетительницу и поднимаю брови в немом вопросе. К слову, они у меня тоже идеальные. И я умею красиво ими пользоваться для создания нужной мимики.

– Здравствуйте. Вы ко мне? – я выжидательно смотрю на нее.

А в это время малышка, больше похожая на разряженную Мальвину, разве что без голубых волос, начинает хныкать. Молодая женщина раздраженно дергает ее за руку.

– Замолчи и не мешай, – шипит она, нависая над девочкой.

Я морщусь. Становится жаль малышку.

– Вообще-то я к Игорю, но ты тоже подходишь, – нагло

заявляет она. – Можно нам войти?

– Вы знакомая Игоря? И почему я должна вас пускать? – я стараюсь не обращать внимание на ее фамильярность. В груди начинает мелко дрожать.

– Милочка, я жена Игоря, а это, – она выталкивает девочку вперед, – его дочь.

Я так растерялась, что не препятствую ей, когда она, отодвинув меня плечом, проходит в дом.

– Вы ненормальная, да? – я все еще пытаюсь найти хоть какое-то разумное объяснение происходящему. А сама продвигаюсь к кухне, держа эту сумасшедшую в поле зрения. Господи, она еще и ребенка втравила. Куда звонить в первую очередь – в психушку или в полицию?

Бочком продвигаюсь к телефону, который вдруг орет маминым голосом.

– Анна, ну где ты там?

Я совсем забыла, что мама продолжает меня ждать на линии. Беру телефон в руки и глядя на женщину, отвечаю маме:

– Мам, перезвоню.

– Что у тебя с голосом?

– Я перезвоню, – настойчиво и твердо отвечаю. Не нужно маме раньше времени знать, что у меня тут на кухне сумасшедшая, которая считает себя женой моего мужа.

***

Дорогие мои! Рада вас видеть в моей новой истории. Предупреждаю сразу, она отличается от моих других книг. Здесь будет эмоционально, местами даже больно. В тексте будут встречаться сцены курения, алкоголя, обсценная лексика. Поэтому я поставила ценз 18+. Сцены секса тоже будут, но только в тех случаях, когда они будут необходимы для сюжета.

Очень надеюсь, что она вам понравится. Буду очень рада вашим реакциям в виде звезд и комментариев ## И как любит говорить Макс: "Ну что, по коням?" :)

С любовью, Агата.

Глава 2

Я в ступоре наблюдаю, как девица уверенно шагает на кухню. На мою кухню моего дома. Девочка капризничает и упирается, но девица упорно тащит ее, не обращая на нее внимания. Зато как-то слишком по-хозяйски осматривает все вокруг и откуда-то точно знает, куда нужно идти.

– Детка, – обращается она к девочке. – Вон там гостиная и в корзине есть игрушки. Иди поиграй, пока я с тетей поговорю, хорошо?

Я в немом изумлении смотрю на нее.

Я впервые сталкиваюсь с такой наглостью, поэтому ничего удивительного, что немею и не могу выговорить ни слова. А она тем временем идет на кухню и по-хозяйски располагается на моем любимом диванчике.

– Вы знаете Игоря? И бывали в этом доме? Слишком уверено себя здесь ведете. Я бы сказала, нагло, – я все-таки не выдерживаю и задаю вопросы.

– Конечно, знаю. И да, я здесь *бывала*, – она неприятной интонацией выделяет последнее слово.

И что это значит?

Я на негнущихся ногах подхожу к стулу и практически оседаю на него.

– Я даю вам пять минут и, если не услышу внятное объяснение, вызываю полицию, – я холодно смотрю на нее, все

еще не давая никаким подозрениям и эмоциям взять верх.

Она фыркает.

– Какая ты нервная. Прав Игореша, ни рожи, ни кожи, еще и ледышка безэмоциональная, – она с пренебрежением и даже какой-то брезгливостью осматривает меня. Так можно смотреть, например, на муху на своей котлете.

Меня передергивает.

– Осталось четыре минуты, – сухо говорю я и беру в руки телефон.

– Я – гражданская жена Игоря. Мы уже лет пять вместе. А Светочка, – она махнула в сторону гостиной, где скрылась девочка. – Его дочь. Мне надоело жить в квартире в ожидании, когда он прогонит тебя из дома, который, к слову сказать, я помогала ему покупать. Вот решила поторопить события и подтолкнуть его, а то ж сам он не решится. Любит сына, с тобой то он до сих пор живет только из жалости и ради сына, – и она опять брезгливо сморщила свой носик.

Меня затошнило.

– Что? Что ты сказала сейчас, стерва? – губы плохо слушались, поэтому голос был глухим. И что-то в нем такое прозвучало, что эта гадина побледнела.

– Если что, меня видела охрана коттеджного поселка, как я сюда пришла, меня будут искать, – пискнула она.

– Убирайся, – тихо сказала я помертвевшим голосом.

– Я уйду. Но я вернусь. И тогда тебя здесь уже не будет. Игорь не любит тебя уже давно, он любит меня, поняла? –

она еще что-то истерично говорила, но шум в ушах мешает мне расслышать всё. Я только сижу и смотрю на нее. И видимо что-то отражается в моем взгляде, что она быстро убирается из кухни. Зовет ребенка и через минуту я слышу звук захлопнувшейся двери. И этот хлопок как будто отрезает меня от всего. От мира, в котором у нас была семья. Хотя, о чем я. У нас уже очень давно подобие семьи.

Просто эта закрывшаяся дверь была финальной точкой моей удобной жизни. Я хотела видимость семьи и хоть какое-то подобие мира ради Егорки? Что ж, пора исправлять ситуацию.

Я не знаю, сколько времени сижу в таком ступоре. Час? Два?

Слез не было. Во мне как будто что-то умерло. Когда-то я любила мужа. Он был для меня оплотом надежности. Но потом все пошло наперекосяк. Он стал чаще задерживаться на работе, по барам с друзьями. А когда у Егорки начался дерматит, который потом перерос в бронхиальную астму, то и вовсе я его почти перестала видеть.

Тот период стал моим личным адом. Покрытый коркой сын, расчесы до крови, потом приступы удушья у него, врачи, обследования, советы сменить климат, жизнь у моря по несколько месяцев. Видимо тогда и появилась эта… Кстати, кто она? Я так и не спросила ее имени. А когда был самый тяжелый период, то он был с ней. И потом родилась их дочь.

Я замороженной статуей сижу все на том же месте и пла-

номерно раскладываю все факты по мысленным полочкам.

Из оцепенения меня выводит привычный и до боли знакомый звук.

Внедорожник мужа шуршит колесами по гравию, хлопает входная дверь и слышатся довольные смешки вернувшихся мужчин. Моих мужчин. Так я наивно думала все эти годы. Теперь у меня остается только один мужчина – сын.

– Так, я не понял, а почему никто не встречает уставших путников? Женщина, ты где?

Я делаю над собой усилие, надеваю на лицо бесстрастную маску и растягиваю губы в улыбке. Надеюсь, выглядит достаточно радостно. Егору точно не нужно пока ни о чем знать, и он не должен ни о чем заподозрить. И выхожу их встречать.

– Мам, что-то случилось?

Мой маленький мужчина очень чуток и всегда чувствует мое настроение.

Я избегаю смотреть в глаза Игоря, смотрю только на сына.

– Нет, что ты, родной, просто устала. Все хорошо. Скорее переодевайтесь, умывайтесь и за стол. Я столько вкусного приготовила. Очень ждала вас.

И только после этих слов смотрю на мужа. Он в немом вопросе поднимает брови. А потом оглядывает мой наряд и хмурится. Я ведь так и не успела привести себя в порядок.

– Мам, обнимашки? – Егор подскакивает ко мне, я же раскидываю руки в стороны, приглашая сына к объятиям, и он радостно врезается в меня. Я крепко обнимаю его, утыкаюсь

носом в его волосы, чувствуя, как радостно бьется его сердечко.

– Все, милый, иди переодевайся, мой руки и за стол, – подталкивая я его на лестницу, ведущую в комнаты.

– Что-то случилось? Я не понимаю твои взгляды, ты же знаешь. Говори прямо, – Игорь подходит ко мне, хочет поцеловать, но я отворачиваю голову. Он хмурится.

– Ты мужа даже не поцелуешь? Вся радость встречи ушла сыну? – кривит он губы.

– Может, мы пройдем в гостиную? Не хочу разговаривать стоя и на ходу, – отвечаю я.

– Женщина, а как насчет того, что мужа сначала нужен накормить, спать уложить, а потом разговоры разговаривать? – Игорь пытается шутить.

– Перестань так меня называть, бесит! – я взрываюсь моментально и практически кричу на него. – Откуда у тебя вообще эти патриархальные замашки?

– Наверное потому, что у нас патриархат, – практически мурлычет Игорь и делает плавное движение мне навстречу. – Слушай, когда ты злишься, ты такая красивая, страстная, что я просто не могу терпеть. Хочу тебя, – он резким движением впечатывает меня в свое тело.

– Отпусти. Меня, – от страха у меня перехватывает горло и говорить получается прерывисто, с паузами. Я помню, чем закончилось наше прошлое выяснение отношений и не хочу повтора. Я вообще больше не хочу мужа. Уже давно.

Наш секс в последнее время – это сплошная рутина, «быстрый перепихон», как когда-то мы со смешками называли его в студенчестве, от силы занимающий две-три минуты.

И этот акт давно перестал для нас называться «любовью». А может, никогда и не был им. С годами время секса, которое отводил для нас Игорь, все уменьшалось и уменьшалось. Прелюдии? «Нюта, я так устал, ну какие прелюдии, давай, детка, по-быстрому и спать».

Вот так и было уже несколько лет, особенно после рождения Егора, – «по-быстрому». Так быстро, что я уже и не помнила, что такое оргазм. Иногда, когда муж засыпал, я уходила в ванну и доводила себя до оргазма сама, руками или струей душа.

А потом лежала, сглатывая слезы и пытаясь заснуть.

– Игорь, отпусти меня, – страх отступил, когда я поняла, что он не пытается настаивать. – Нам нужно поговорить.

– Ладно, ладно, не нервничай. Я уже понял, что сегодня мне в этом доме не рады и кормить меня не будут, – Игорь театрально вздохнул и пошел в гостиную.

– Ну? Что опять тебе опять втемяшилось? – муж насмешливо смотрит на меня.

– Мне *втемяшилась* одна женщина, которая утверждает, что она твоя жена, претендует на этот дом и тебя, в качестве мужа и отца ее ребенка, – я стараюсь говорить спокойно и холодно, но это у меня плохо получается и голос дрожит.

А еще я слежу за лицом мужа. Удивительно, но ни один мускул у него не дрогнул.

– Дорогой, если у тебя есть жена, то кто тогда я? Разве у нас в стране разрешено многоженство? – за иронией я пытаюсь скрыть боль и нелепость ситуации. Да, у нас было не все просто и гладко, но я всегда считала Игоря своей стеной, за которой я всегда могла спрятаться от всех неприятностей. Именно этим он меня и покорил в свое время. А еще он был прекрасным отцом. За одно это я его уважала. Для сына он мог горы свернуть.

– Ты откуда вообще это взяла? – спрашивает он небрежно, подходит к бару, что-то резким движением наливает себе в стакан и залпом выпивает.

– Она приходила сюда сегодня, – на меня вдруг наваливается усталость, и я оседаю на диван.

– Это правда? Все эти годы ты жил на две семьи? И когда Егорка сильно болел, ты улетал не в командировку, а был с ней? – я говорю и одновременно осознаю, с каким чудовищем живу все эти годы. Он растоптал мои чувства, уничтожил мою уверенность в себе как в женщине, предал нас с Егоркой.

Он молчит, вертит стакан в руках, рассматривая его грани.

– А, к черту, – стакан летит в стену. Я вздрагиваю. Он поворачивается ко мне и стремительным шагом направляется ко мне. Нависает надо мной, беря в тиски.

– Да. У меня есть любовница. Но ты сама в этом виновата, Нюта. Ты посмотри на себя, – он неприятно кривит губы. – Ты когда была в салоне в последний раз? Сама-то помнишь? А одеваешься как? Как пацанка. Ни пеньюаров кружевных для меня, ни сексуальной одежды. А мужчина любит глазами. А за что любить тебя?

Он яростно говорит всё это прямо мне в лицо, и я сжимаюсь от ненависти в его словах. Действительно, за что меня любить, если у меня нет ни надутых губ, ни идеального ухоженного лица, и я предпочитаю удобную одежду. Конечно, ведь только за это и любят. За красивую внешнюю оболочку.

Я же всегда радела за родство душ, за единство целей, за понимание друг друга с полувзгляда. За то, что у нас с Игорем закончилось очень быстро.

А может, никогда и не было?

Глава 3

Я вжимаюсь диван, на котором сижу и понимаю, что не хочу ни дня большего его видеть и называть своим мужем. Открываю рот, чтобы сказать о разводе и тут же перед глазами встает сцена, после которой я стала бояться мужа и близости с ним.

Примерно год назад

Я корпела над очередной книгой, которую мне подкинула мама для подработки. Автору требовалась корректура его произведения, но я еще параллельно и редактировала, вылавливая и правя смысловые ошибки. Логика текста немого хромала, но роман был написан талантливо, поэтому я сама не заметила, как работа полностью захватила меня. Егорка спал, Игоря все еще не было, но он предупреждал, что будет на очередных переговорах.

Я вздрогнула, когда в тишине кабинета раздалась трель телефона.

– Прости, родная, я задержусь с ребятами, мы отхватили удачный контракт, отметим немного в баре. Не жди меня, ложись спать.

– Ты придешь ночевать?

– Нюта, что за допрос? Это не твое дело. Удел жены – молча ждать своего мужа. Поняла, женщина? А когда он приезжает, жена должна быть готова встретить своего мужа со

всем почтением.

И он громко засмеялся, а на фоне я услышала громкий одобрительный смех его дружков.

Я дрожащей рукой отключила вызов. И рука дрожала не от страха. Я была в бешенстве. Подошла к зеркалу. На меня смотрела побледневшая молодая красивая женщина с затравленным взглядом серо-зеленых глаз.

– Ну что, Соболевская, нравится тебе, когда о тебя ноги вытирают? Не дошла еще до нужной кондиции? Сколько еще нужно пройти унижений?

Я не поняла, откуда у Игоря взялись такие вот замашки. Но в последнее время я все чаще слышала от него – «знай свое место, женщина», «молчи и не перечь своему мужу». И вообще он сильно изменился. Что это было – то ли деньги и престижная должность директора по продажам в крупной фирме так ударили по мозгам, то ли его новое окружение так влияло на него?

«Кого ты обманываешь, Соболевская, он всегда был таким, и тебя предупреждали про него», – очень тихо из глубин подсознания услышала я внутренний голос. Но я была влюблена и упорно не замечала ни то, как Игорь постепенно и планомерно убирал из моего окружения всех институтских подруг, ни то, что он увещевал меня не работать, потому что он хотел, придя домой, видеть свою красивую жену.

Постепенно он заменил собой всех, с кем я общалась. Ухаживал с таким напором и так красиво, что я просто не устоя-

ла. Поддалась на красивую картинку. Не хотел, чтобы я ехала на встречу с ребятами с курса? Это потому, что он просто хотел как можно больше времени проводить со мной. Не хотел, чтобы я работала? Ну так потому, что настоящий мужчина всем обеспечивает свою женщину. А я считала его именно Настоящим Мужчиной. И радовалась, окутывая романтическим флёром все его требования. И находила объяснения всем его поступкам. Господи, какой же дурой я была.

Когда же я осознала, что мне больше никто из старых знакомых не звонит поздравить с днем рождения, кроме мамы, хотя раньше я не выпускала телефон из рук в этот день, не успевая отвечать на многочисленны звонки и сообщения, было уже поздно. В моем окружении остался только он, Егорка и мама. И то, потому что она души в нем не чаяла. Ну еще немногочисленные коллеги, но с ним было формальные отношения.

Когда Егорке исполнилось три года, мне подвернулась работа переводчиком. И я схватилась за эту возможность, объясняя Игорю это тем, что я же лингвист-переводчик, я если не буду использовать язык, забуду всё. Огромным плюсом в этой работе был ее свободный график. Меня просто приглашали в качестве профессионального переводчика с французского, когда он требовался. Игорь все равно был вне себя от ярости. Но в этом случае я проявила твердость, и мне удалось отстоять свое право на эту работу.

Собственнические патриархальные замашки у него были

всегда, просто раньше я закрывала на них глаза. Но после этого звонка, я поняла, что хватит. Я все еще дрожащей рукой отложила телефон и опять погрузилась в работу над книгой. Очнулась от звука открывающейся входной двери. Бросила взгляд на часы, оказалось, что уже почти утро, было пять часов. Я вышла в прихожую его встретить. Нацепила на лицо привычную улыбку, которая сразу померкла, когда я увидела, в каком виде он вернулся.

Игорь был пьян. К тому же мне показалось, что от него несло духами. На воротничке рубашки было яркое пятно от помады. И он впервые не ночевал дома.

– Где ты был? – крестила я руки на груди и выжидательно посмотрела на него.

– С ребятами задержались в баре.

– Игорь, от тебя за версту воняет другой женщиной. И ты хочешь, чтобы я поверила, что ты был с ребятами? Как ты можешь? Мне это надоело. По-моему, ты мне врешь уже не в первый раз. Я понимаю, что сейчас не самое лучшее время, но мне это всё надоело, я хочу развода!

Хлесткая пощечина, от которой голова мотнулась в сторону, отрезвила. Я неверяще смотрела на мужа. Он впервые поднял на меня руку. Щеку жгло.

– Никакого развода не будет. Уясни себе раз и навсегда – ты послушная жена, сидишь молча, не высовываешься и смиренно ждешь меня с работы. И да, мне не нравится, что ты все время работаешь. И да, раздвигаешь ноги передо

мной по первому требованию. И никакие головные боли тебя не спасут. Поняла, Нюта?

Меня передернуло и от слов, и от обращения. Ненавижу, когда он меня так называет.

А он подошел, схватил за шею и притянул к себе.

– Я спрашиваю – ты отвечаешь. Что с тобой, ты же всегда была такой послушной девочкой. Так ты меня поняла? – выдохнул он мне в губы.

И в этот момент я совершила самую большую ошибку в своей жизни. Я показала зверю свой страх. Я молча кивнула. Одинокая слеза стекла по щеке.

– Ну что ты, моя хорошая, не плачь, – Игорь ослабил хватку, большим пальцем поглаживая нежную кожу шеи. Наклонился и слизнул соленую дорожку.

– Хочу тебя. Сейчас, – прохрипел он мне в губы и впился в них поцелуем.

– Игорь, нет, пожалуйста, не нужно, я не хочу…

– Зато хочу я. Безумно, – прорычал он, задирая подол халатика. – О, детка, как же мне нравится, что ты ходишь дома без белья.

Он резким движением развернул меня к стене, практически впечатывая меня своим телом в стену.

– Раздвинь ноги. Шире, – скомандовал он, проникая в меня пальцами. – Черт, детка, ты там сухая совсем. Может, тебе к врачу сходить? С твоей сухостью влагалища что-то нужно делать.

Он схватил меня за руку и потащил в спальню.

– Игорь, давай ты сейчас ляжешь спать, а завтра, когда ты проспишься, мы поговорим, – я пыталась вырываться, но он был сильным и мои слова и попытки вырваться воспринимались как комариный писк перед слоном.

Он притащил меня в спальню и бросил на кровать. Я упала на мягкий матрас лицом вниз и по раздавшимся звукам поняла, что он берет смазку. Закрыла глаза и глубоко подышала. Я уже не пыталась ничего ему говорить. Я впервые так сильно боялась своего мужа. А еще я понимала, что в соседней комнате спит Егорка, которого я не хочу тревожить криками, чтоб он случайно не застал эту сцену.

– Если бы ты видела сейчас со стороны, какая ты секси, когда лежишь вот так, покорная, с задранным подолом и голой задницей. Боже, как ты меня заводишь, – прохрипел он, распределяя смазку по влагалищу и по члену.

Он прижался ко мне, и я почувствовала, как он возбужден. Потерся возбужденным членом о мои половые губы, имитируя фрикции и распределяя смазку. Меня передернуло от отвращения. Он же принял это за приглашение и резким движением поставил на колени.

– Игорь, пожалуйста, не надо, – я задыхалась, пыталась уползти от него, но он с силой схватил меня за бедра так, что наверняка останутся синяки.

– Сейчас, детка, все будет. Куда ж ты от меня уползаешь, – хмыкнул он, взял мои волосы в кулак, запрокинул мою голо-

ву назад и впился засосом в шею. Отпустил волосы, сильно сжал ягодицы и резким движением проник в меня. Я вскрикнула.

– Да, детка, кричи, меня это заводит.

– Игорь, пожалуйста, не надо, остановись, – всхлипываю я. – Я же тебя никогда не прощу после этого…

Но он вдалбливался в меня, рыча от удовольствия.

– Надо. Ты моя жена и я хочу тебя. И ты простишь, куда ты денешься. Боже, детка, ты такая тесная там, горячая. Нютааа, – прохрипел он, увеличивая темп, сделал еще пару резких движений и кончил. Прикусил меня в плечо.

Я, молча глотая слезы, отползла от него на кровати подальше и сдалась в комок.

– Ты чудовище. Какое же ты чудовище, – потрясенно прошептала я.

- Ой, не драматизируй, Нют, ну ты чего. Ты же сама всегда любила пожестче, – поморщился муж. – Прикройся, а то замерзнешь, окно открыто, – меня покоробило от его заботы. – И не вздумай подмываться, я хочу, чтобы мой запах был на тебе подольше.

Раздалось шуршание одежды, шум воды в душе, довольное урчание кота, наевшегося сливок. Мой муж – ненормальный садист. Как же я допустила, что живу с таким?!

*

И вот сейчас, когда точка невозврата пройдена после визита его любовницы с ребенком, мне страшно сказать про

развод. Я никому не стала говорить тогда про тот случай. Зачем? Заявить в полицию? Так это внутрисемейные отношения. Пожаловаться подруге? Я сама от всех отдалилась. Маме? Ну да, конечно…

Просто засунула подальше страх и боль, спрятала голову в песок и решила, что Егорке нужен отец.

Но так больше не будет продолжаться. Я вдохнула, выдохнула, как перед прыжком с парашютом.

– Игорь, я подаю на развод, – я стараюсь унять дрожь в голосе, не показываю ему свою слабость.

Игорь с перекошенным лицом поворачивается ко мне.

– Ты опять? – рычит он. – Не будет никакого развода, заруби себе это на носу. Я тебе его не дам.

– Ты не вправе решать это. Через суд нас разведут в одностороннем порядке, – я это знала точно, за весь последний год я практически выучила семейное право и меня смело можно было назвать специалистом по разводам.

– Вот как? – Игорь вдруг становится абсолютно спокойным и невозмутимым. – Что ж, дерзай. Но у тебя не останется ничего. Ни дома, ни денег, ни сына.

– Ошибаешься, – внутри все дрожало, но голос у меня был спокойный. – Дом мы приобрели в браке, это совместно нажитое имущество. Деньги мне твои не нужны, но алименты ты платить обязан на содержание ребенка. А сына ты не сможешь отобрать.

– Детка, да ты, я смотрю, все продумала, да? – язвительно,

но как-то подозрительно спокойно говорит Игорь, и вальяжно садится напротив меня в кресло. – Но ты забываешь, что дом у нас с тобой поделен на равные доли и мы с ними можем что-то делать только с обоюдного согласия. А его я тебе не дам. Это во-первых. А во-вторых, я докажу в суде, что сыну будет лучше жить со мной. Ты знаешь, я в силах это сделать.

У меня внутри все опустилось, стало нечем дышать.

– Игорь, зачем ты это делаешь? Ну посмотри, у нас же подобие семьи, а не настоящая семья. Мы же как муж и жена себя уже давно изжили. Но при этом никто не собирается у тебя отбирать право быть отцом. Егорка может жить у тебя временами, мы договоримся. Тем более ты в любом случае не останешься один, учитывая, кто сегодня приходил ко мне в гости, – я горько усмехнулась.

– Блядь, Аня, – рычит он и ударяет кулаком по спинке дивана. Я вжимаю голову в плечи. –Ты. Моя. Жена, – Игорь разъярился моментально, нависает надо мной, подавляя своим видом. – Я тебя выбрал раз и навсегда, и никто этого не изменит, понятно? Даже Ленка.

Ах вот, как ее зовут. Ну хоть имя ее узнала.

– Не будет никакого развода. А если ты будешь настаивать на своем, останешься без всего. И без сына. Я все сказал, – бросает он, разворачивается и собирается уже выйти из гостиной, как к нам вбегает взволнованный Егорка.

Глава 4

– Мама, папа, а где Дейзи? Она ведь не встретила нас, а сейчас я ее не могу нигде найти, – он выглядел испуганным и по звонкому голосу я понимаю, что он вот-вот расплачется.

Я внимательно всматриваюсь в него. Нет, похоже, он не слышал нашего с Игорем разговора. Потихоньку выдыхаю. И меня тут же накрывает паника.

А ведь правда, я давно не видела собаку. Я даже не заметила, что Дейзи по своему обыкновению на выбежала с радостным повизгиванием навстречу Игорю и Егорке, которого обожала и с самого его рождения взяла над ним шефство.

Я выбегаю в прихожую, ищу собаку в комнатах на кухне, во всех помещениях. Зову ее. Она всегда откликалась и прибегала и с веселым любопытством смотрела на меня, мол, – зачем звала? Но сейчас ее нигде не было. Может, она выбежала на улицу? Но я не выходила. И тут я вспоминаю визит этой Лены и как за ней захлопнулась дверь. Неужели это она выпустила собаку? Меня окатывает такой волной гнева, что я еле сдерживаюсь, чтобы не накинуться на Игоря, выплескивая всё накопленное.

Я распахиваю входную дверь и, как была, в шортах и майке, выскакиваю на улицу.

– Дейзи, Дейзи, ко мне! – кричу так громко, как только могу.

– С ума сошла, оденься! – кричит вдогонку Игорь.

Я отмахиваюсь, но чувствую благодарность, когда на плечи опускается мой пуховик. Скашиваю на него взгляд. Неужели в нем еще осталась хоть какая-то капля тепла и заботы? Но он не смотрит на меня, а куда-то вперед. Я проследила за взглядом.

По дорожке от пункта охраны к нам идет охранник и ведет за ошейник Дейзи. Я кидаюсь к ней.

– Как? Где вы ее нашли? – спрашиваю подошедшего мужчину. А Дейзи с повизгиванием прыгает вокруг меня и пытается теплым языком достать до лица. Я опускаюсь на корточки рядом с ней и утыкаюсь в шею. По щекам льются слезы.

Дейзи в нашей семье появилась еще до рождения Егорки. Зная о моей детской мечте иметь собаку, Игорь на нашу первую годовщину подарил мне щенка – мою золотую девочку. Она была именно моей, моим хвостиком, воплощением моей мечты, она всегда понимала меня с полувзгляда. И она была для меня вторым ребенком. Странно, но она вообще не склонна убегать. И если это произошло, то скорее всего ее что-то испугало.

– Так, стал быть, иду, обход делаю, вдоль леса, стал быть, а оттуда она выскакивает с бешеным взглядом. Видно, испугал кто. Что, убёгла? – сочувственно спрашивает охранник.

– Нет, специально выпустили, – зло отвечаю я и смотрю на Игоря. Тот пожимает плечами, мол, а я тут причем, меня вообще дома не было.

– Идемте в дом, холодно, – говорит он и подталкивает меня к крыльцу. А там, тоже без одежды, стоит, пританцовывая, Егорка.

– Дейзи! – радостно кричит он, а Дейзи летит на него и кажется, что она сейчас сметет его своим весом. Но нет, вовремя останавливается, знает, что может ненароком навредить маленькому хозяину. Егорка садится на корточки и обнимает свою любимицу.

Я с улыбкой смотрю на эту картину. Сзади неслышно подходит Игорь.

– Ну что, ты готова лишить сына вот этого всего? Не забывай еще и про садик, в который он здесь ходит. Все еще хочешь развод? – тихо говорит он мне на ухо, так, чтобы Егорка не слышал.

Радостный момент испорчен. Его слова бьют точно в цель, он отлично знает мои болевые точки.

– У него все это и останется, просто будет в другом месте. А я не хочу, чтобы он впитывал с малолетства модель поведения мудака. Я хочу, чтобы он вырос мужчиной, а не его подобием, который только прикрывается этим словом, – так же тихо говорю я, смотря ему прямо в глаза.

– О как, – усмехается он. – Смотри-ка, осмелела. Ну что, Нюта, значит, война? – и он вопросительно поднимает брови.

– Игорь, а давай мы в спокойной обстановке обсудим это, дома, в тепле, а не здесь? Или это такая психологическая ата-

ка с твоей стороны? – я жестом показала, что мы все еще стоим на холоде и я практически голая, с коротким пуховиком на плечах.

– Что ж, давай еще раз обсудим, – кивает он и галантно пропускает меня вперед.

Обсудить не удается, потому что Егорка после ужина требует сказку. И пока я его укладывала и рассказывала про драконов, которых он любил не меньше, чем динозавров, Игорь заснул. Я обнаруживаю это, когда прихожу в спальню. «Конечно, зачем меня ждать и поставить точку в разговоре, гораздо проще отстраниться и просто лечь спать», я практически закипела от злости.

Сна нет. Я иду на кухню и варю кофе. Не смотря на то, что есть кофемашина, я всегда варю себе только в джезве. Для меня это сродни медитации. Я стою и немигающим взглядом смотрю на кофейню гущу, которая постепенно поднимается. И как только кофейная шапочка доходит до краев джезвы, быстрым движением снимаю ее с огня. Добавляю в чашку дольку лимона и заливаю кофе.

Мыслей нет. Я прислушиваюсь к себе. Такое ощущение, что чувства и эмоции атрофировались. Мне становится страшно. А вдруг я больше никогда ничего не почувствую? Так и останусь навсегда высушенной досуха воблой.

В это время вибрацией на беззвучном режиме жужжит мой телефон. В мессенджере сообщение от мамы.

«Приезжай завтра ко мне, домой, не в редакцию, я завтра

работаю дома. У меня есть для тебя одно рабочее предложение. И сюрприз».

***

Утром Игоря дома уже не обнаруживаю. Я ушла спать в другую спальню, не хотела его видеть рядом. Интересно, он таким образом избегает разговора?

Утро, как обычно, начинается с ритуала варки кофе. Егорка еще спит, я смотрю на часы и понимаю, что пора бы его уже будить. Иду к нему в детскую. Он тихо посапывает в ладошку, лежа на боку. Будить его не хочется, я сама бы с удовольствием легла к нему под бочок, такому теплому комочку. Но будить придется. Нужно успеть завезти его в садик, потом к маме, и дальше на встречу в издательство. Еще мне должен позвонить потенциальный клиент, которому требуетсяпереводчик, но с ним вопрос можно решить по телефону.

Сажусь на кровать и начинаю легко и нежно поглаживать спинку сына, приговаривая нашу с ним любимую присказку.

– Из-за леса, из-за гор
едет дедушка Егор,
Сам на кобылке,
Жена на коровке,
Дети на телятках,
Внуки на козлятках.
Съехали с гор,
Развели костёр,

Кушают кашку.

Там еще было в конце «слушают сказку», но сейчас уже на нее нет времени. Но сына кривой козе не объедешь, он сам про нее напоминает.

– Ммм, – мычит сын. – А сказка будет?

– Сказка будет вечером, а сейчас вставай, умывайся и спускайся вниз, как раз кушать кашку. Жду тебя, – я чмокая его в нос и спускаюсь на кухню.

– Мам, а давай пешком пойдем в садик? Смотри, погода какая, – сын вяло жует кашу и наблюдает через окно за снежинками. Погода и правда была сказочной. Особенно здесь, вдали от цивилизации. Наш коттеджный поселок не так уж и далеко находится от черты города, но даже здесь чувствуется обособленность от шума мегаполиса.

– А давай. Отведу тебя, а потом вернусь за машиной и поеду по делам, – соглашаюсь я. В конце концов, я не видела его несколько дней, пока они с Игорем были на лыжной базе.

Но в итоге я вскоре уже жалею, что мы отправились пешком. Егор шел еле-еле, застревая то слепить снежок, то засмотреться на снегирей. Смотрю на часы и нервничаю, потому что вижу, что уже опаздываем.

– Егор, ну давай побыстрее пошевеливайся, а? Мы уже опаздываем, – с досадой говорю ему, ожидая, пока он слепить очередной снежок.

Путь в пятнадцать минут пешком мы преодолеваем почти в полчаса. И еще не дошли.

– Да шевелю, шевелю я своими маленькими лапками, – бурчит Егорка и так комично у него выходит, что я не выдерживаю и смеюсь. А потом останавливаюсь и думаю – а что страшного произойдет, если даже мы опоздаем? Мысленно машу рукой на правила и хитро смотрю на сына.

– Хочешь, покажу волшебство?

Глаза Егора загораются. Что за вопрос, конечно, он хочет!

– Смотри, – и я подношу рукав куртки близко к его лицу. – Смотри внимательно на снежинку. Видишь, какая у нее правильная форма?

Он внимательно рассматривает ее и кивает.

– И что это значит?

– А то, что нет больше ни одной такой же снежинки в мире, они все разные. А еще у каждой из них – четное количество лучей. В детстве я прочитала в одной книге, что если с неба падают снежинки с нечетным количеством лучиков, это значит, на нашей планете много зла...

– Мам, ну это же сказки, – как-то снисходительно и слишком по-взрослому смотрит на меня мой пятилетний сын. И в этом взгляде я вижу отражение Игоря.

– Но ты же любишь сказки, правда? А ты знаешь, что в сказах заложена мудрость всего народа? И именно через сказки всегда передавались знания от стариков к молодым, – назидательно говорю я сыну.

Он смотри на меня, задумывается, кивает.

– Да, скорее всего ты права, – соглашается он.

– Фух, – выдыхаю шутливо. – Я сейчас почувствовала себя как во время экзамена перед своим профессором в университете.

Егорка смеется и бежит в группу садику, куда мы как раз подходим. И даже не оборачивается. Там его уже обступают друзья, и он моментально забывает про меня. Я улыбаюсь и машу рукой воспитательнице, что ухожу.

Иду обратно. Снег начинает идти крупными хлопьями и пока я иду от садика до стоянки около дома, превращаюсь в настоящего снеговика.

Пока очищаю машину от снега, выпускаю Дейзи побегать во дворе и справить свои утренние потребности. Она резвится и кувыркается в снегу. Я чищу машину и с улыбкой смотрю на собаку, которая и в семь лет ведет себя как щенок. Потянулась, чтобы счистить снег с крыши, когда слышу звонок. Не глядя, принимаю вызов и слышу уже почти привычное:

– Нюта, я сегодня задержусь. Не жди меня, – сухо говорит Игорь.

– Ты же понимаешь, что не можешь постоянно избегать разговора? – так же сухо говорю я.

– А разве мы не поговорили? По-моему, мы все выяснили, – ненатурально удивляется он.

– Мы НЕ договорили, – срываюсь я на крик. – И если ты не хочешь говорить лично, я скажу по телефону. Я подаю на развод. И да, если ты продолжишь мне угрожать, то будет война. Но жить с тобой я больше не буду.

– Что ж, – задумчиво протягивает Игорь. –Ты сама этого захотела.

И отключается.

Господи. Что же я наделала?! Я сажусь в машину, не замечая холода и то, что я ее так и не завела. Руки трясутся. Что же делать? Мне плевать на дом, на деньги, самое главное, чтобы сын и Дейзи остались со мной. Дейзи! Вспоминаю, что не запустила ее обратно. Выхожу из машины и зову собаку.

– Дейзи, давай домой, девочка, – говорю ей и запускаю в дом. – Не скучай, – глажу ее по голове и возвращаюсь в машину.

Сижу, бездумно наблюдая за двигающимися дворниками, пытаюсь успокоиться, чтобы не нервничать в дороге. Получается плохо, но руки трястись перестают.

Но, как это обычно у меня бывает, в дороге я отключаюсь от всего. Езда за рулем успокаивает и в голове проясняется. Ничего, судьи в России в большинстве случаев принимают сторону матери при определении места жительства. Если нужно будет, найду грамотного адвоката. Но я так просто не сдамся. Больше нет.

Когда выруливаю с кольцевой в город, раздается звонок от мамы. Отвечаю по громкой связи.

– Ма, еду уже, через двадцать минут буду.

– Ты долго, – обвиняюще говорит она и, как обычно, затягивается дымом, я это слышу и мне даже кажется, что я чувствую запах сигарет. Морщусь недовольно.

– Мам, ты много куришь, может, пора уже бросать?

– Вот еще, – фыркает она. – При моей вредной работе я тогда не выживу, если еще и курить брошу. И вообще, мне мой врач не рекомендует этого делать. Мол, вредно резко бросать, если всю жизнь курила.

– Интересный врач, – бормочу я, постукивая по рулю в ожидании зеленого света.

– Так. Ты где застряла? Мы тут тебя уже зажались. Чай с плюшками не пьем, – ворчливо говорит мама.

– Мам, ну ты на улицу посмотри. Утро, пробки. еще и снег. Уже почти приехала. И кстати, кто это – мы? – с любопытством спрашиваю, выруливая на ее улицу.

– Мой обещанный сюрприз и твоя будущая работа, – загадочно отвечает мама. – Ему нужен персональный классный редактор.

– Ему? Интересно… Ладно, сейчас приду уже, готовьте ваши плюшки.

Дверь в квартиру мамы приоткрыта, скорее всего, она увидела в окно, как я паркуюсь, и заранее открыла. Вхожу, стряхивая с куртки и волос снег, отворачиваюсь к вешалке и слышу сзади шаги.

– Привет, мам, сейчас, я приведу себя в порядок, а то пока добежала до подъезда, волосы промокли, – я как раз опустила голову и стряхивала влагу с волос, которые тяжелыми кольцами упали на лицо. Кривлюсь. Все мое выравнивание пошло коту под хвост, от влаги теперь закрутятся обратно и

буду я похожа на барана. Мама почему-то не отвечает. Расстегиваю молнию и скидываю куртку с плеч.

– Позволишь тебе помочь? – от низкого мужского голоса вздрагиваю и резко поворачиваюсь, с недоверием глядя на говорившего.

***

Дорогие мои, спасибо за звездочки и комментарии ❤# Вы просили – принесла вам проду! Хорошего вечера, обнимаю❤# Агата

Глава 5

Передо мной стоит Сашка, мой Сашка. Вернее, когда-то был моим. Сейчас уже, конечно, нет. Давно нет.

Моя первая любовь, вообще во всем первый.

А он изменился. Он всегда был красив и все время притягивал женские взгляд от мала до велика. Он обладал такой притягательной харизмой, был настолько обаятельным, что стоило ему войти в помещение, как все девочки, девушки и женщины разных возрастов замирали. А он как будто не видел, какое впечатление производил на них.

Но если я его запомнила молодым человеком, красивым юношей, то сейчас передо мной стоял возмужавший и уверенный в себе мужчина. С модной и стильной прической, судя по всему, сделанной каким-нибудь элитным мастером. Он смотрел с легким прищуром карих глаз, а легкая небрежная небритость добавляла его облику мужественность и чуточку дерзости.

Практически, как Карлсон – «в полном расцвете сил», хмыкнула я про себя и улыбнулась.

– Смотрите-ка, какого дяденьку к нам каким-то ветром занесло. Спустился со своих дипломатических высот до нас, грешных плебеев? Ты ли это, Александр Ильинский?

– Соболевская, ты как была язвой, так и осталась, – поморщился он, а потом раскинул руки в стороны. – Иди, что

ли, обнимемся, столько лет не виделись.

– Я с посторонними мужчинами не обнимаюсь, – отвечаю я и даже отступаю на шаг.

– Да какой же я посторонний, Анька, мы же портвейн на выпуском в школе из одной бутылки пили. Всё, считай, родные, – хмыкает он, сам подходит и подхватывает меня в объятия. Приподнимает и начинает кружить.

– Анька, как я рад тебя видеть! А ты такой же барашек, как и раньше. Только стала еще красивее. И легкой, как пушинка, – он перестает меня кружить, ставит на пол и немного отстраняет от себя, рассматривая. – Какая ты стала…

– Какая? – хмыкаю я, пытаясь за язвительностью и юмором скрыть свою радость и то растревоженное чувство, которое всколыхнулось, когда его увидела.

– Молодежь, мы пить чай будем или как? Плюшки уже изнывают, – кричит из кухни мама.

– Идем спасать плюшки, – широко улыбаюсь я Саше, высвобождаюсь из объятий и практически бегом кидаюсь на кухню.

– Мам, я буду кофе, не хочу чай, – сразу же сообщаю маме.

– У тебя кофе скоро из ушей полезет, – ворчит она.

– Так же как у тебя – табак, – подкалываю ее в ответ.

Входит Саша, какой-то задумчивый и серьезный.

– Ма, где ты его откопала? – указываю глазами на Сашу.

– Он сам откопался. Пришел в издательство с заказом. Наш знаменитый дипломат решил стать писателем. Но так

как государственная служба не позволяет, он будет писать под псевдонимом. Но писать он совершенно не умеет, поэтому ему нужен напарник в виде редактора, – объясняет мама, попутно делая мне кофе.

В своей кухне она мне не доверяла варку кофе, поэтому приходилось мириться с тем, как она это делает. Каким-то невероятным образом она умудрялась испортить такой элементарный напиток как кофе. Казалось бы, что сложного – насыпал в джезву кофе, залил водой и поставил на огонь. Всё. Ждешь, когда закипит. Но нет. У мамы он то убегает, то она его не доваривает до нужного состояния, то положит так много кофе, что он ужасно горчит. В общем, получалась бурда, прямо скажем. Сама она всегда предпочитает черный чай, но такой крепости, что он был чернее кофе.

Саша все это время стоит, прислонившись к дверному косяку и, скрестив руки на груди, наблюдает за нами.

– Саш, а ты чего стоишь? Давай, падай радом с Анькой, – кивает мама на место на диванчике рядом со мной.

Он с улыбкой качает головой.

– Удивительно, Зинаида Андреевна, такое чувство, что я как будто никуда не уезжал и не было всех этих лет. Как будто снова оказался дома, – глухо говорит он и смотрит на меня.

И время действительно как будто останавливается и замирает. Я опять вижу перед собой парня, в которого влюбилась сразу же, с первого взгляда. А он, как он потом мне при-

знался, тоже сразу меня заметил и решил, что вот эта смешная девчонка с кудряшками будет только с ним. Мы смотрим сейчас друг на друга сквозь все прошедшие годы. И в этом взгляде всё – первый поцелуй, первый секс, наши сумасшедшие свидания, первая боль от разлуки и осознание, что оказывается, никуда это не ушло, а просто спало все эти годы глубоким сном и было спрятано в самую дальнюю ячейку в сердце. Так далеко, что казалось, больше и нет ничего. Как же мы ошибались.

– Как же я ошибся, Аня, – глухо отзывается Саша, вторя моим мыслям.

Глава 6

Семнадцать лет назад

Урок шел уже пять минут, как дверь распахнулась и в класс вошел директор школы Афанасий Емельянович. Мы встали, приветствуя его.

– Марина Сергеевна, вы позволите? – глубоким, хорошо поставленным голосом спросил он разрешения у нашей англичанки. А когда та кивнула и показала жестом, мол, велкам, прошел в класс. Как оказалось, за ним шел следом парень. А так как Афанасий Емельянович обладал массивной фигурой, то мы его не сразу увидели из-за спины директора.

Парень был высок, красив и обаятелен. Женская половина класса сразу оценила его белозубую улыбку, взгляд карих глаз с легким прищуром, скулы и чувственные губы. Да и фигура у него была атлетическая. Видно было, что он много времени уделяет спорту.

– Класс, познакомьтесь. Ваш новый одноклассник, он поздно присоединился к вам, но я *надеюсь*, – Афанасий Емельянович сделал упор на это слово, – что вы тепло примите его и поможете ему освоиться в вашем чудесном коллективе.

– О да, – мечтательно выдохнула Оля, первая красавица класса. – Мы, конечно, поможем освоиться…

Последние слова она сказала с таким придыханием и поставила такую красноречивую паузу в конце, что всем сра-

зу стало понятно, как именно она собралась помогать осваиваться. Парни заржали.

– Королева, – с упреком, но не очень строго посмотрел на нее директор. Она была всеобщей любимицей и ей многое прощалось. Еще бы, если папа владелец большого предприятия и регулярно отстегивал, ой, вернее, спонсировал школу.

Я иронично скривила губы. Мне показалось или я одна такая, у кого не капали слюни на новичка?

– Итак, друзья, прошу любить, – на этом слове послышалось хихиканье, – да, да, любить и жаловать – Александр Ильинский. Что ж, продуктивной работы всем вам.

Афанасий Емельянович окинул нас нарочито грозным взглядом, погрозил пальцем Оле и вышел.

– Что же, очень приятно, Александр, – сказала Марина Сергеевна. – Находи свободное место и присаживайся.

Новичок окинул быстрым взглядом класс и, игнорируя отчаянные попытки Королевой привлечь его внимание, почему-то прошел к моей парте. Я сидела одна и не горела желанием обзаводиться соседом. На свободном стуле лежал мой рюкзак.

– Можно? – новичок вопросительно поднял брови, взглядом указывая на стул с моим рюкзаком.

– Занято, – буркнула я. – Найди другое место.

– Соболевская, что у вас за заминка? Саша, не стой, мы не можем продолжить урок из-за вас, – строго сказала англичанка.

Я испепеляюще зыркнула на потенциального соседушку и убрала рюкзак, освобождая стул. И больше не обращала внимания на новичка. А он повозился, достал тетрадь и что-то упорно искал в рюкзаке. Надо сказать, шикарном кожаном рюкзаке из хорошо выделанной дорогой кожи. Я даже на него засмотрелась и подавила завистливый вздох.

– Слушай, у тебя есть запасная ручка? Я свою забыл, – новичок наклонился к самому моему уху, так близко, что я почувствовала тепло его дыхания. Вздрогнула от неожиданности и отстранилась. И постаралась не обращать внимания на мурашки, которые побежали по шее вниз вдоль позвоночника.

Молча всучила ему запасную ручку. Он улыбнулся и кивнул благодарно. А потом стал что-то строчить в тетради. По парте зашуршала пододвигаемая в мою сторону тетрадь. Я скосила глаза.

«Давай знакомиться, колючка. Я – Саша. А ты?»

Я:

«А я – Маша»

Саша:

«Что, правда?»

Я:

«Нет, просто в рифму пришлось :)»

Саша:

«Так кто ты, Прекрасная Незнакомка?»

Я прочитала и фыркнула. В это время Марина Сергеевна,

которая не терпела даже малейшие шорохи у себя на уроке, посмотрела на нас и постучала острым наманикюренным коготком по столу, призывая к порядку.

На какое-то время Саша успокоился, и мы внимательно слушали материал. Я снова скосила взгляд на соседа и обнаружила, что слушала только я, а он, оказывается, спал. Ну или просто сидел с закрытыми глазами. У меня от такой наглости чуть глаза на лоб не полезли, и я сильно ткнула его кулаком в бок.

– Ауч, – громко воскликнул он.

– Задняя парта, второе замечание. После третьего уйдете с урока, – грозно произнесла англичанка.

Я втянула голову в плечи. Быть выгнанным с урока сто процентов означало оказаться в кабинете директора. А мне никак нельзя было туда попадать. Слишком часто в последнее время я там была. И что-то подсказывал мне, что терпение Афанасия Емельяновича было на исходе.

Если бы не моя склонность к языкам и лингвистические способности, то меня бы уже здесь не было. Все потому, что у меня не было крутых родителей, которые могли по щелчку пальцев все решить. А была только мама, правда, которую боялся даже наш директор. Боялся, но уважал. И он так и говорил мне: «Соболевская, ты еще в этой школе только потому, что я безумно уважаю твою маму». Оказывается, они были старинными приятелями, и маме поэтому удалось меня пристроить в эту школу с углубленным изучением англий-

ского и французского, где учились дети непростых родителей.

Сашу замечание англичанки не впечатлило, и он опять стал что-то строчить в тетради.

«Так как твое имя, Кудряшка?»

Я:

«О, меня понизили? И я уже всего лишь Кудряшка, а не Прекрасная Незнакомка?»

Саша:

«Ты прекрасна, спору нет, но Кудряшка подходит тебе больше:)»

– Мы вам не мешаем? – раздался над нашими склоненными друг к другу головами сухой голос Марины Сергеевны.

– Нет, – машинально и хором ответили мы, продолжая переписываться в Сашиной тетради.

А когда обнаружили вокруг мертвую тишину, подняли головы и вздрогнули. Марина Сергеевна была в бешенстве. И чего она так распереживалась? Я, например, давно уже знала этот материал. Саша, судя по тому, что он пытался спать, – тоже. Но у англичанки все должно было быть идеально. Идеальная тишина в идеальном классе с идеальными учениками идеального поведения.

– Вон, – прошипела она, указывая на дверь. – Соболевская, к директору. Ответишь за срыв урока.

Я поморщилась. Вот почему она меня так ненавидела? И не сделала же ничего. Но с первого взгляда, когда я только

перешла в эту школу, я поняла, что мы с ней будем врагами. Я обреченно вздохнула, побросала вещи в рюкзак и, не глядя на Сашу, вышла в коридор.

Он не отставал.

– Не переживай, Кудряшка, я разберусь. И ни к какому директору ты не пойдешь, – уверенно и излишне беспечно, на мой взгляд, заявил Саша.

Но он ошибался. И если бы он знал, к чему приведет его беспечность, как на уроке, так и после, может быть, не был бы таким самоуверенным.

Глава 7

Новенький на первый взгляд оказался типичным представителем типичной богатой семьи. Да и на второй взгляд тоже.

Мальчик, рожденный с золотой ложкой во рту. Он даже приезжал в школу на новеньком Лексусе, хотя ему еще не было и восемнадцати. Парни завистливо вздыхали, девчонки в восхищении чуть ли не капали слюнями, когда видели, как он выходит из машины.

И, конечно, ему прочили карьеру дипломата, потому что для этого были все предпосылки. Отец у него был послом то ли в Коста-Рике, то ли в Панаме, я все время путала их. Сейчас, правда, он осел преподавателем в Дипломатической академии МИД. Куда же еще мог податься сын такого отца? Конечно, по проторенной дорожке.

Саша очень быстро освоился в незнакомом коллективе. Но по непонятной мне причине он стойко игнорировал все томные взгляды, которые бросали в его сторону и одноклассницы, и девицы из более младших классов. Мне всегда казалось, что такой мажор должен был расцветать от повышенного внимания и всеобщего восхищения.

Но Саша меня приятно удивил. И, пожалуй, именно поэтому я, наконец, перестала от него шарахаться.

Он не только игнорировал их всех, но и выражал недо-

вольство и даже злился. В конце концов, он стал ездить в школу на метро, смотреть в ответ на восхищенные взгляды со звериным оскалом, и старался ни с кем особенно близко не общаться.

Ни с кем, кроме меня.

И вот это поразило меня до глубины души. Я искренне не понимала, что ему от меня нужно и почему я стала объектом его пристального внимания. Но он от меня не отлипал. Сначала я думала, что он решил развлечься за мой счет. И у меня даже пробегала мысль, а не розыгрыш ли это. Ну мало ли, поспорил с ребятами, что сможет соблазнить пацанку-недотрогу. Но чем больше проходила времени, тем я уверялась в мысли, что это не так. Просто у него такой извращенный взгляд. Ведь я в то время красивой себя не считала.

Он стал меня провожать домой. Я жила с мамой в хрущевке на Академической, а гимназия находилась в Центральном районе, на Греческом. И Саша ехал с мной сначала домой, потом возвращался обратно на Чернышевскую, потому что он-то как раз жил в пешей доступности от гимназии.

Так у нас и повелось. Он меня «отвозил» домой, мы заходили ко мне, и я поила его чаем с неизменными плюшками с корицей, которые мы покупали в булочной по пути домой. Однажды мы пришли, а мама уже была дома, чем меня очень удивила. Обычно она возвращалась домой чуть ли не ночью.

Она вышла нас встречать, и я их с Сашей познакомила. Мама, пыхтя неизменной сигаретой, внимательно прошлась

по Саше взглядом с головы до ног и обратно. Хмыкнула.

– Вот, значит, что за новенький. Да уж наслышана от Сени, как вас с урока турнули. Что ж, будущая гордость дипломатии, пошли пить чай, – она строго посмотрела на меня и ушла на кухню.

– А Сеня – это?.. – спросил у меня, делая большие глаза, Саша.

– Ты правильно понял, – вздохнула я. – Наш директор. Поэтому о каждом моем вздохе в школе мама сразу становится в курсе. Мне кажется, что она – первая любовь Афанасия Емельяновича, но она не колется, – шепотом поведала я свои подозрения Саше.

– Хватит там сплетничать! Я все слышу! – крикнула с кухни мама.

Мы, смеясь, шмыгнул в ванную мыть руки и пошли пить чай.

А в один декабрьский день Саша не смог меня проводить, и на меня напали.

Они появились из-за угла неожиданно. Их было трое. Два парня из параллельного класса, я даже не знала их имена, и наша красавица, Оля Королева. Пани были крупные, качки, и сильные. Им бы не в языковой школе учиться, а в спортивной какой-нибудь. Один схватил меня сзади, за руки, жестко их фиксируя, и с силой прижал к себе.

– Вы что, отпустите, – рванулась я. Вернее, попыталась рвануться. Но парень был силен, он мои трепыхания даже

не заметил. Тогда я попыталась обратиться к голосу разума, вернее к той, которую считала разумной.

– Оль, ты что? Зачем это? Что за шутки?

– Здесь никто не шутит, – она подошла ко мне и хлестко ударила по щеке. Голова мотнулась. А, нет, с голосом разума я погорячилась.

– Ты ненормальная, да? – я посмотрела на нее. – Ты понимаешь, что я подам заявление в полицию о нападении?

Парни дрогнули.

Но Оля только насмешливо изогнула губы.

– Соболевская, ты забыла, кто мой папочка? Да и кто докажет, что это мы? А мы ничего такого и не делаем, правда, мальчики? – она мило улыбнулась им. – Просто по-дружески разговариваем. Пока по-дружески, – уже с угрозой в голосе обратилась она ко мне.

– Что тебе нужно-то от меня, убогая? – я устало вздохнула.

– Что?! – взвизгнула она. – Дрянь, да это ты убогая, а не я! И я тебя предупреждаю, если я тебя еще хоть раз увижу вместе с Сашей, пожалеешь, поняла?

– Ах вот, в чем дело. Так ты с ним и разговаривай, чего ко мне привязались? – я с недоумением смотрела на эту дуру, которую по ошибке посчитала разумной.

– Он таскается за тобой! А ты его поощряешь! – визгливым противным голосом сказала она.

– Ну так он не бычок на веревочке, я же не насильно его за

собой вожу, – фыркнула я и попыталась еще раз вырваться из захвата.

– Я тебя предупредила, Соболевская. Леша, она твоя, – кивнула она второму лбу, который все это время стоял в стороне. Он вальяжно подошел ко мне очень близко и стал пристально рассматривать. И было что-то такое в его взгляде, от чего мне именно в этот момент стало очень страшно.

– Слушай, Королева, а она настоящая милашка, если ее вблизи рассматривать, – сказал он, ухмыляясь и стал шарить по моему телу руками. – Да и фигурка под всей этой мешковиной у нее отличная.

Я дернулась и закричала. Тот, который меня держал, зажал мне рот рукой. Я вцепилась зубами в его ладонь с такой силой, что даже почувствовала вкус крови во рту. Стало противно и меня чуть не стошнило.

– Ах, ты, сссука, – прошипел он и ударил меня кулаком в лицо.

Перед глазами потемнело и я провалилась в спасительную темноту.

Глава 8

Алекс, настоящее, посольство в Панаме, за неделю до встречи с Аней

– Саша, зайди ко мне, – прозвучал голос моего начальника по внутренней связи.

– Евгений Юрьевич, вызывали? – после стука я вошел в кабинет.

– Да, Саша, присаживайся, нужно поговорить, – задумчиво произнес Евгений Юрьевич, посол в Панаме, где я служил вторым секретарем посла.

– Мальчик мой, – да, иногда Евгений Юрьевич позволял ко мне такое обращение, когда никто нас не слышал и мы были одни. – Ты когда в последний раз был в отпуске?

Я стал прикидывать. К чему вообще этот вопрос?

– Евгений Юрьевич, а к чему такой вопрос? Что вы в действительности хотите у меня спросить? Или может быть, сказать?

– Да уж, Саша, дипломат из тебя никакой, – хмыкнул он. – Что ж, ты меня раскусил, – сказал Евгений Юрьевич и вздохнул.

– Понимаешь, Ольга хочет в Санкт-Петербурге организовать выставку какого-то там именитого французского фотографа. И я хочу, чтобы ты ее туда сопровождал. Как и положено жениху.

Я напрягся. Вот это совершенно лишнее. И ведь припер к стенке, хитрый лис.

– Евгений Юрьевич, у нас с Олей еще ничего не определено. Мы даже не пара. Это пока только в ее воображении я являюсь женихом, – я поморщился.

– Ну, мальчик мой, Оля же не с потолка взяла это, правда? – проницательно посмотрел он на меня. – И ты же знаешь, она всегда добивается того, чего хочет, с детства не мог ей ни в чем отказать. А хочет она тебя, – припечатал он меня.

Черт, знал ведь, что та случайная ночь с Ольгой еще выльется мне боком. И про это он знает, старый хрыч. Ольга тоже хороша. Какого она все своему старику выкладывает?

– Насколько я помню, ты ведь давно хочешь книгу написать? – и он выжидательно посмотрел на меня.

А это то он откуда узнал? Неужели тоже Ольга проболталась?

Пришлось кивнуть. Я действительно хотел написать книгу. После поездок и встреч с разными интересными людьми накопилось много впечатлений и материалов, столько, что хотелось выплеснуть их куда-то. И проще всего – на бумагу.

– Ну вот, и поезжай. В Питере как раз нужная для писательства атмосфера. Тем более у тебя же там квартира, да? И Ольга с тобой под присмотром поживет.

Я поперхнулся воздухом.

– В смысле? Вы что же, хотите, чтобы она жила у меня?

Он вообще в своем уме, если предлагает такое?

– А в чем дело? – он холодно посмотрел на меня. – Сейчас не то время, когда девицы не могли остаться жить под одной крышей с мужчиной, не запятнав свою репутацию. К тому же, ты как раз уже поработал над ее честью, не так ли?

Так ли, так ли. Особенно если обладательница этой самой чести сама охотно прыгает в постель. И не только ко мне.

– Да и квартира у тебя там четырехкомнатная в старом фонде, вы даже можете и не встретиться, – продолжал он меня увещевать, а я понял, что мне не отвертеться.

– Пятикомнатная, – машинально поправил я.

– Ну так тем более! – довольно потер руки Евгений Юрьевич. Сейчас он как никогда был мне неприятен. – И подумай еще вот над чем: ты же хочешь продолжать дипломатическую карьеру? И рекомендации от меня наверняка ждешь для перевода в Венесуэлу, так?

Сссволочь. Это был удар ниже пояса. Я холодно прищурился. Хочешь, чтобы мы играли по твоим правилам? Ну что ж, давай сыграем. Я не позволю какой-то подстилке, пусть и высококлассной, сгубить на корню всю мою карьеру.

– Хорошо, Евгений Юрьевич, я присмотрю за Ольгой. И помогу с выставкой. Но на этом все. Не надейтесь, что я буду ее везде сопровождать, – я холодно смотрел на отца, который сейчас шантажом выбивает из меня мнимое счастье для своей избалованной дочурки.

– Конечно, Саша, этого будет вполне достаточно, – он на-

рочито радостно закивал. – А еще вот, обратись в это издательство, там главред отличная женщина. Грубоватая, режет правду-матку, но надежная, – он протянул мне визитку, и я взял, даже не взглянув на нее.

– Она тебе назначит редактора, с кем сможешь написать свою книгу. И не торопись. У тебя отпуска накопилось на пару месяцев точно.

Я молча кивнул. Как он меня будет прикрывать столько времени, мне уже было неинтересно. Значит, сможет. Главное, выдержать Ольгу и не прибить ее за это время.

По тому, что Евгений Юрьевич взялся за телефонную трубку, я понял, что аудиенция закончена. Встал и пошел к двери. И уже там меня нагнало:

– Удачи, Саша, и помни про Венесуэлу. Пусть она для тебя будет стимулом.

Как же мне хотелось послать куда подальше и его, и его дочурку, и вообще всё. Но тогда придется слить в унитаз годы упорного труда, учебы, бессонных ночей, вообще всего, чего я добивался сам, а не благодаря известному папе-дипломату, как многие наверняка думали.

И только выйдя из кабинета и отойдя подальше, я решил взглянуть на визитку. Нет, такого просто не может быть. Дорогое Мироздание, ты сегодня решило меня добить окончательно? Я поднял глаза к потолку и расхохотался. На визитке изумрудного цвета золотыми буквами было напечатано:

«Издательство «Метафора»

Главный редактор Зинаида Андреевна Аверина.

Господи, почему из тысяч издательств именно это, где главным редактором работает мать девушки, которую я когда-то считал своей и которую полюбил сразу, с первого взгляда?

Но именно ее мне пришлось оставить в прошлом.

Глава 9

Аня, настоящее

Я задумчиво смотрю в окно. Метель усиливается, и я равнодушно отмечаю про себя, что пробки станут еще больше.

Саша уже ушел. Мы обговорили детали нашего сотрудничества, он пообещал набросать мне идею и синопсис книги и дальше уже будем отталкиваться от этого. Все то время, что он был здесь, я чувствовала на себе его взгляд. И упорно старалась не смотреть на него. Просто по-деловому фиксировала условия нашего сотрудничества, заполняла договор, подписывала. То есть полностью спряталась за работой и отгородилась от него ролью будущего редактора.

А тот факт, что, когда он случайно коснулся моей руки, потянувшись к чайнику, у меня прервалось дыхание и опалило жаром, я обдумаю потом. Я не пошла его провожать в коридор. Просто кивнула на прощание и как можно суше бросила «жду материалы и тогда созвонимся». Но Саша проигнорировал мой тон. Взял руку и по-старомодному поцеловал. Я удивленно распахнула на него глаза.

– Я счастлив, что увидел тебя и что буду работать именно с тобой, Анна, – сказал он, опалил взглядом темных глаз и вышел вслед за мамой.

А я осталась у мамы, чтобы привести мысли в порядок и хоть немного сбросить с себя груз всех событий, разделить

его с самым близким человеком.

Мама молча курит и сквозь дым буравит меня прищуренным взглядом. Чего она ждет, интересно? Саша своим появлением всколыхнул всё давнишнее, что было спрятано. Я же наивно думала, что забыла его, что все давно отболело, что всё – в прошлом. Оказывается нет. И сейчас, в моей ситуации с Игорем, это ощущается особенно остро и больно. Прямо как *тогда*. Я прогоняю воспоминания о той боли и сосредотачиваюсь на настоящем.

– Ма, ну что ты молчишь и смотришь на меня? – нервно спрашиваю я.

– А что, мне на тебя уже и посмотреть нельзя? – ворчит она. – Я же помню, что с тобой было тогда, когда Саша выбрал не тебя, а карьеру и бросил тебя.

– Это было понятно с самого начала, что мы с ним не можем быть вместе. Ты же помнишь и его окружение, и отношение его родителей ко мне. Конечно, он выбрал дипломатию. Да и жить на два города и сохранить отношения, в нашем возрасте – это было утопией. Я вот только понять не могу, чего ты добиваешься, сводя нас вместе общей работой?

– Да думала, отболело у тебя все. А теперь вижу, что нет, – смущенно отвечает мама. – Деньги за заказ неплохие, а они тебе нужны. Ведь я права? Выкладывай, что случилось.

Мама, как обычно, видит меня насквозь.

– Дай тоже, – тянусь я к пачке сигарет.

– Ты же не куришь, – у мамы вытягивается лицо.

– Не курю, – киваю я. – Но мне нужно или выпить, или закурить. Выпить я не могу, так как за рулем, поэтому курение подойдет.

Я делаю первую затяжку и закашливаюсь. Никогда не курила. Так, баловалась за компанию в школе, конечно, но дальше этого у меня не зашло.

Курю, кашляю и смотрю в окно, не видя, что там, за окном, потому что реальность расплывается от слез.

Мама молчит и просто ждет. И я ценю, что она не лезет с вопросами, не напирает, знает, что сама расскажу, когда буду готова. А я просто не знаю, как маме все рассказать про Игоря. Это все так мерзко и грязно, что я просто не нахожу слов, с чего начать. А еще я не понимаю, как я могла оказаться замужем за таким человеком. Неужели я настолько не ценила себя, что повелась на ухаживания первого встречного? Хотя Игорь очень красиво ухаживал, твердил о любви. И мне казалось, что я тоже полюбила. Что оттаяла от боли после Саши и встретила того, кто будет поддержкой и опорой.

И я начинаю рассказывать маме с главного.

– Я развожусь с Игорем.

– Как? Почему? – ахает мама.

– У него есть любовница, от которой у него дочь почти как Егорка, на год младше, – горло перехватывает и мне сложно говорить, голос получается хриплым и скрипучим.

– Анюта, ты сгущаешь краски, – неверяще качает головой мама. – Игорь не такой… Ты просто не знаешь мужчин, у

тебя же и не было никого. Твою юношескую любовь можно не брать в расчет, – отмахивается она от меня.

Меня начинает колотить крупная дрожь, и я практически кричу на маму. Вскакиваю и начинаю лихорадочно бегать по кухне.

– Мама, он такой! Он именно такой! Это ты возвела его в какой-то непонятный мне идеал. А он сволочь, каких поискать. И я вот нашла. Ты просто не знаешь всего, – останавливаюсь и смотрю на маму.

– А ты? Ты что знаешь о мужчинах, мать-одиночка, которая растила дочь одна? Ты-то откуда знаешь про мужчин? Почему, мама, почему, ты не научила меня, не показала пример своим опытом? Как я могла встретить кого-то нормального, если всю жизнь видела твой неудачный опыт? – я кидала в лицо маме жестокие и обидные слова, намеренно желая сделать ей больно.

Почему мы всегда жестоки именно с самыми дорогими? И почему, если у нас все разрывается внутри от боли, хотим сделать еще больнее этому близкому человеку?

Я кричу, не замечая, как уходят из маминого лица краски и как она устало и обреченно оседает на диванчик. И внезапно осекаюсь.

– Господи, мама, – кидаюсь к ней, обнимаю, качаю, и пытаюсь объятиями защитить от тех острых ядовитых стрел, которые сама же в нее и пустила. – Прости меня, родная, я не понимаю, что говорю.

Я смотрю на нее, глажу по лицу, но мама смотрит сквозь меня и как будто не видит.

– А я все думала, когда же ты наконец меня упрекнешь, что у тебя нет отца, – и мама, моя сильная и несгибаемая мама, боец в юбке, как будто скукоживается, прячет лицо в ладони и плачет.

– Прости меня, ну пожалуйста, прости. Я не должна была это говорить. Я так не думаю. Мам, ну нам же было хорошо вдвоем, и мне не нужен был никакой отец, правда. Ты же у меня самая лучшая и я тебя очень люблю. Никакой мужик не стоит наших с тобой отношений, слышишь? Ты же моя родная, ты и Егорка, моя кровь, – я говорю и говорю, глажу маму по голове, по плечам, обнимаю, прижимаю к себе и стараюсь вобрать в себя весь тот яд, которым ранила ее.

Мама отнимает руки от лица, обнимает в ответ и мы так сидим, прижавшись друг к другу, как это делали всегда, когда кому-то из нас требовалась поддержка.

Я заглядываю в мамино лицо и несмело улыбаюсь. Трусь щекой о плечо.

– Мир?

– Ну, конечно, мир, куда ж я от тебя денусь, – ворчливо отзывается мама и улыбается в ответ.

У меня становится легко на сердце, и я уже улыбаюсь во весь рот.

– Давай еще чаю с плюшками, а?

– Давай, – кивает она. – И расскажи мне все по порядку.

В это время звонит телефон, и я вижу имя мужа на экране.

Глава 10

– Да? – отзываюсь на звонок.

– Я смог освободиться пораньше и уже еду домой. Егора заберу. Ты где сейчас?

– У мамы, с заказчиком встречалась, – зачем-то поясняю я. – Скоро освобожусь и поеду домой.

– Нюта, не стоит, метель усилилась, на трассе опасно сейчас. Оставайся сегодня у Зинаиды Андреевны. Привет ей, кстати. Не переживай за Егора, заберу, накормлю, спать уложу.

Игорь отключается, а я в растерянности смотрю на погасший экран. Нет, он, конечно, и раньше забирал Егорку, а я иногда оставалась у мамы из-за работы, но сейчас Игорь был подозрительно добрым и предупредительным. И меня что-то царапает, но никак не могу понять, что именно.

– Что-то еще случилось? – мама внимательно смотрит на меня.

– Кроме того, что уже? – хмыкаю я. – Нет, Игорь предложил мне остаться у тебя, а Егорку он заберет сам.

– Ну, в этом есть определенный смысл, – говорит мама и смотрит в окно, где метель уже набрала свою мощь. Выезжать сейчас куда-то на машине, в особенности на трассу, будет рискованно. Да и снегоуборочная техника наверняка не справляется сейчас.

Я сижу в задумчивости и кручу телефон в руках, смотрю на маму.

– Остаться, не ехать, как думаешь?

– Ну, Егору он точно ничего плохого не сделает, ты же знаешь, поэтому оставайся. А завтра погода утихомирится, снег уже успеют расчистить и поедешь назад. А мы обговорим пока Сашину книгу, подумаем над ней. У тебя же нет сегодня больше дел?

– Да был один заказчик, ему нужен переводчик, я жду звонка. Но с большой вероятностью, что все смогу решить по телефону, – отвечаю я.

Мама кивает, а потом встает, достает порцию припрятанного в холодильник теста для булочек и выкладывает его греться.

– Поможешь мне с булочками?

– Сколько же ты теста сделала? Я же так не влезу в джинсы завтра, – ворчу я, но все-таки радостно киваю. Мамины булочки с корицей под сливочным соусом, синнабоны, как их теперь по-модному называют, – лучшие. И самые вкусные.

Звонок, которого я так ждала, прозвенел неожиданно, когда руки у меня были по локоть в муке. Я быстро отряхиваю их над раковиной и хватаю трубку.

– Анна? Здравствуйте. Это Ольга, мы списывались с вами по поводу услуги сопровождающего переводчика для француза, – говорит мой телефон женским голосом. Сексуальным таким голосом. Глубоким, красивым, завораживающим. По-

давляю завистливый вздох.

Ольга рассказывает мне, кого мне нужно будет сопровождать, на какой срок, чего именно она от меня ждет как от переводчика. Обговариваем гонорар, дату и время встречи.

– Анна, Якоб приедет уже завтра, вы мне будете нужны уже в аэропорту, – говорит моя нанимательница.

– Как уже завтра? Я думала, выставка через неделю? – удивленно спрашиваю я. – Я не уверена, что смогу завтра. Мне нужно найти няню на этот срок, у меня ребенок маленький.

– Анна, мне нужно ваше решение сегодня. Или вы соглашаетесь, или я ищу другого переводчика, – отрезает Ольга. – У вас срок до вечера. Жду ваш ответ. Всего хорошего.

И она отключается.

Я в растерянности смотрю на маму.

– Я нашла работу, но, похоже, уже ее и потеряла, – говорю маме.

– Что там? – мама раскатывает тесто и косится на меня.

– Синхронный переводчик для французского фотохудожника, у него выставка в РОСФОТО. На целую неделю. Очень хороший гонорар к тому же светит. Но куда я дену Егорку? – я тру виски, которые неожиданно простреливает головной болью.

– Ну, во-первых, где твоя заказчица сейчас найдет синхронного переводчика с французского? Как будто их, вернее, вас, как грязи в деревне. Во-вторых, у Егорки есть отец.

Договорись с Игорем, пусть эту неделю берет заботы о сыне на себя. Он же не младенец уже, в конце концов. А ты поживешь пока у меня. Деньги тебе сейчас точно пригодятся и лишними не будут. Так что звони своему недомужу, – мама, как обычно, все отлично раскладывает по полочкам и ее слова звучат разумно. Но мне почему-то становится тревожно на душе.

Набираю мужа, и он на удивление быстро отзывается на звонок.

– Нюта, что-то случилось? – мне кажется или в его голосе действительно тревога?

– Нет, вернее да. Не случилось, просто некоторая сложность. Мне предложили неплохую работу переводчиком, на неделю требуется сопровождение французского фотографа. Но нужно встречать его уже завтра. Вы справитесь с Егоркой без меня? Будем считать, что я уехала в срочную командировку, – стараюсь немного разрядить повисшее на том проводе молчание. И я не понимаю, что в этом молчании – то ли упрек, то ли обвинение, то ли неодобрение.

Но Игорь неожиданно радостно отзывается.

– Ну что ты, не переживай, конечно, справимся. Я могу работать из дома, удаленно, еду закажем из ресторана. Если что, позову на помощь Инну Андреевну, – бодро отвечает Игорь. Слишком бодро. Чего это он?

Инна Андреевна – наша соседка по коттеджу, одинокая пожилая женщина, она всегда радуется, когда мы ее про-

сим присмотреть за Егоркой. Что ж, все вроде складывается неплохо. Я выдыхаю.

– Спасибо, Игорь, тогда я остаюсь у мамы. Вечером, когда заберешь Егорку, позвоните мне по скайпу? Хочу увидеть его.

– Конечно, позвоним. Ну все, пока, до вечера, – и он отключается.

Я задумчиво смотрю на маму.

– Получилось?

– Да. И как-то слишком гладко, настолько, что подозрительно, – я наблюдаю за проворными мамиными руками, скатывающими в рулет тесто для будущих булочек.

– Радуйся, – фыркает мама.

Но что-то мешает радоваться. Я тут же набираю Ольгу и говорю, что вопрос решен и завтра я смогу быть, и мы договариваемся встретиться в аэропорту.

Уже вечером, после всех съеденных плюшек, после баталий с мамой по составлению плана для книги Саши, в своей комнате, я еще раз мысленно возвращаюсь к разговору с Игорем. Я так и не дождалась звонка на свой скайп, поэтому набираю его сама. Он отзывается не сразу, а когда появляется на экране, то кажется каким-то взъерошенным.

– Тебе позвать Егора? Прости, мы тут заигрались в железную дорогу, не уследили за временем, забыли тебе позвонить, – предвосхищает мои вопросы Игорь и я успокоено выдыхаю. Муж зовет сына. И вот я вижу любимое личико на

экране телефона.

– Ма, привет! Нам весело и у нас все хорошо, не волнуйся. У нас гости, так что скучать мы не будем, все, целую, убежал, меня ждут, – сын посылает воздушный поцелуй в камеру и убегает. Появляется лицо Игоря.

– Что за гости? – напряженно уточняю я.

– Так Инна Андреевна, я же тебе говорил, что позову ее на помощь. Мы возвращались из садика и встретили ее, Егор сам позвал ее в гости. У тебя все хорошо? – Игорь, дождавшись моего ответа, прощается и отключается.

Я наконец расслабленно откидываюсь на кровати. Все хорошо. Игорь, конечно, сволочь еще та, но только по отношению ко мне, сына он обожает, а значит не обидит. И я могу спокойно работать эти дни.

Я окидываю взглядом комнату, которая так и осталась закреплена за мной в маминой квартире. Эта комната как капсула времени, сразу окунает меня в школьные годы. Вернее, в тот последний год, когда со мной учился Саша. Учился и ухаживал за мной. Я с улыбкой сморю на плакат со своим любимым Фредди Меркьюри, и вспоминаю, как мы с Сашкой вместе слушали его альбом в одних наушниках, лежа как раз на этой самой кровати. Как мы тогда поспорили о правильности перевода слов песни Богемской рапсодии, и как ссора переросла в наши примирительные поцелуи. Так, стоп. Всё, Соболевская, это всё – в прошлом. Нет больше твоего Саши. Есть партнер по будущей работе. Есть бывший одно-

классник и твоя первая влюбленность. И на этом всё.

Вибрация телефона прерывает мою внутреннюю борьбу и попытки прогнать из мыслей Сашу.

Я открываю мессенджер и читаю сообщение:

«Кудряшка, выходи, жду тебя на наших качелях».

Глава 11

Семнадцать лет назад

Я выползала из небытия медленно, неохотно. Тьма, которая меня затянула в том переулке, не хотела меня опускать.

– Ну же, Прекрасная незнакомка, открой глазки, – услышала я знакомый голос.

– Господи, ты даже сейчас от меня не можешь отвязаться, – поморщилась я, лежа все еще с закрытыми глазами. Казалось, если я открою, то все сразу поменяется. И мне стало страшно. А вдруг я уже не та Аня? Вдруг те отморозки со мной что-то сделали, пока я валялась бездыханным трупом?

Тут послышался шум, чей-то возмущенный и до слез знакомый голос грозно спрашивал:

– Где моя дочь, я вас спрашиваю? Что с ней?

– Сашка, прячься, сейчас будет плохо всем, – проскрипела я и открыла глаза. Судя по тому, что мне это удалось с трудом, лицо у меня опухло. Черт, и это я, такая красивая, перед Сашкой лежу? Я тут же дернулась, пытаясь встать, но меня решительным движением удержали за плечи и не дали встать.

– Кудряшка, не трепыхайся, тебе пока нежелательно вставать, – тихо сказал Саша и уложил меня обратно на подушку. Я же поднесла руки к лицу и ощупала его. Одинокая слеза выкатилась из уголка глаза.

– Ань, ну ты чего, – тихо произнес Саша, видимо впечатлившись моей слезой, – это всего лишь отек, он пройдет, и ты будешь прекрасна, как всегда. Я тебе принесу мазь, отец привез из Таиланда, она за один день и отек снимает, и синяки убирает. Честно, неоднократно проверенное средство.

Я всхлипнула. Мне было стыдно и неловко, что Саша видел меня в таком состоянии.

– Ань, ну ты что! – совсем испугался Саша. – У тебя что-то болит, где больно? Позвать врача?

– Что, больно? Где больно? Анька, я тебя сама прибью, когда выздоровеешь, – ураганом ворвалась в палату мама.

– Зинаида Андреевна, она плачет, а я понять не могу, почему, – растеряно сказал Саша.

– Аня, что? – наклонилась ко мне мама.

– Мам, я страшная, – прошептала я. – Не хочу, чтобы Саша на меня такую смотрел.

– Поняла, – мама у меня удивительно понятливая и вообще самая лучшая. – Саша, выйди-ка из палаты.

А этот… этот… гад просто стоял, смотрел на меня и смеялся! Приличные определения у меня закончились, поэтому я просто лежала и пыхтела, через щелочки глаз рассматривая веселившегося Сашку.

– Саша, выйди, – грозно произнесла мама и что удивительно, он на этот раз послушался. Но сначала подошел ко мне и легонько щелкнул по носу.

– Смешная ты, Соболевская. Я ж все равно тебя уже всю

рассмотрел. И мне неважно, как сейчас выглядит твое лицо, я же знаю, какая ты настоящая. Самая красивая. Но вот как ты выглядишь сейчас, я не забуду. Знаешь почему?

– Почему? – послушно переспросила я.

– Потому что это воспоминание для меня как красная тряпка для быка, – неожиданно зло отозвался Саша. – И я не успокоюсь, пока все причастные не будут наказаны.

Я потрясенно молчала, пытаясь рассмотреть лицо Саши. Но его черты расплывались, и я не могла рассмотреть выражение его глаз.

– Всё, Кудряшка, отдыхай. А я съезжу за мазью и приеду, – он наклонился и поцеловал меня в щеку. Я дернулась. А Саша только опять рассмеялся, попрощался с мамой и ушел.

– Хороший мальчик, – задумчиво глядя ему вслед, сказала мама. Я фыркнула.

– И не фырчи. Говорю, хороший, – отрезала мама. – Расскажи лучше, как это вообще произошло.

Если бы я сама знала. Но рассказала маме все, что помнила.

– А как я оказалась в больнице? – спросила я у мамы.

– Как, как. Саша твой тебя сюда доставил, – ворчливо отозвалась мама, поправляя одеяло. – Говорю же – хороший мальчик. Он тебя нашел в том переулке, вызвал скорую.

– Мам, а они… – я замолчала, не зная, как спросить у мамы о том, что могло произойти и что могли сделать те отморозки. Горло перехватило от осознания того, что я просто

могла ничего не почувствовать.

– Что, Анют? Не понимаю, – мама внимательно смотрела на меня.

– Они собирались изнасиловать меня, – сдавленно произнесла я.

– Что? – побледнела мама. – Мне об этом не сказали.

– Что?! – послышалось от двери. – Аня, что ты сказала?

Оказывается, Саша вернулся и слышал мои последние слова. Он рванул к кровати и навис надо мной.

– Что они собирались сделать? – страшным голосом спросил он. – Я думал, они тебя только ударили.

– Нет, Оля дала «добро» одному из них, кажется, его зовут Леша…

– Его *звали*Леша. Убью, – тихо произнес Саша и отстранился. И мне стало страшно.

– Саша, стой, не уходи! Мама, не отпускай его никуда!

Но было поздно, Саши в палате уже не было.

– Мама, этот ненормальный наворотит дел и пострадает из-за меня, – заплакала я. – Найди его, пожалуйста.

Похоже, у меня начиналась самая настоящая истерика. Слезы лились ручьем, и я никак не могла успокоиться. Мама испугалась, выскочила из палаты и вернулась уже с врачом.

– Та-ак, и что вы тут устроили, а? Вот не нужно было разрешать к ней кого-либо пускать, – мрачно произнес врач и что-то вколол мне. Судя по тому, что меня сразу же стало клонить в сон, это было успокаивающее.

И уже проваливаясь в темноту, я все-таки смогла просипеть.

– Мам, найди Сашку, останови его, пока он дров не наломал, пожалуйста.

Последнее, что я слышала, это окрик врача.

– А ну спать, Соболевская.

И голос был почему-то очень похож на Сашкин.

Глава 12

Аня, настоящее

Я почему-то даже не удивляюсь, увидев сообщение от Саши. Чего-то такого от него и ожидала.

«Вот еще. Не буду я никуда спускаться, что за глупости? Я, что, похожа на ненормальную, которая в такую метель скачет по первому зову какого-то мужика?»

Ответ приходит незамедлительно:

«Ну во-первых, не какого-то, а вполне тебе известного…ммм…мужика :) А во-вторых, метель уже давно закончилась. Выходи!»

«Качели железные, на них зимой холодно, отморожу себе всё. А мне еще детей рожать».

И пусть я рожать больше не собираюсь, по крайней мере, в ближайшее время точно, то Саше об этом знать было совсем не обязательно.

Саша:

«Так. Я не понял. Ты мне отказываешь? Что, Соболевская, старая стала?»

Я прочитала сообщение и закатила глаза. Нет, серьезно, он меня на понт решил взять что ли? Детский сад.

«Не старая, а осторожная»

«Это то же самое»

«А зачем мне спускаться?»

«Вот! Я про это и говорю – раньше ты спускалась без таких вот старческих вопросов».

Раньше… Раньше я любила тебя, Ильинский. Пока ты не разбил мне сердце. Но я тебе в этом ни за что не признаюсь.

«Саша, прости, я уже легла спать, у меня завра важная встреча. Давай мы на днях встретимся, и ты мне все, что хотел, расскажешь? Спокойной ночи»

«Спокойной ночи, трусишка-Кудряшка»

Неужели он думает, что вот так может врываться в мою жизнь спустя столько лет? К тому же, тогда мы были детьми. Почти детьми. А сейчас… Сейчас мы выросли. У меня сын. И огромные проблемы с мужем. У него тоже наверняка кто-то есть. Статусная невеста большой шишки, не меньше.

Я пытаюсь разозлиться на Сашу, но стоит мне закрыть глаза, как передо мной проносятся сцены из прошлого. Как будто не было всех этих лет, а мы только вчера расстались. Как раз на тех качелях, куда он меня звал. А перед этим целовались до умопомрачения, до потрескавшихся губ. Пока нас не застукала мама и не сказала, чтобы мы не страдали ерундой в такой холод, а шли домой, она, мол, нам не будет мешать. Мама у меня все-таки мировая. Поняла, что у нас с Сашей это серьезно и сказала мне всего лишь одно – «Анна, вы хотя бы предохраняйтесь». Я тогда возмутилась, но потом оценила всю мудрость ее совета.

Волевым усилием прогоняю воспоминания и думаю о сыне. Понимаю, что скучаю по нему. Привыкла укладывать его

на ночь рассказывать сказку. Ну ничего, разлука недолгая. Я мысленно желаю Егорке спокойной ночи и проваливаюсь в сон.

А утро меня втягивает в круговорот забот. Сразу же звоню домой.

– Ты чего так рано? – хрипло отзывается Игорь.

– Мне нужно в аэропорт, а вам уже пора вставать, Егорке же в садик, – возмущенно говорю я.

– А мы сегодня решили устроить выходной, да, Егорище? – оказывается, сын рядом с Игорем. Заглядывает в экран смартфона, радостно улыбается мне.

– Егорка, как же так? – пожурила я его. – А как же твои обязанности? И ребята скучать будут.

– Не, не будут, – уверенно заявляет сын. – К тому же, у нас с папой много дел.

– Да? – удивляюсь я. – И каких же?

– Для начала нам нужно расчистить снег вокруг дома, а потом мы будем играть. И еще строить крепость! – у сына радостно блестят глаза, и я понимаю, что садик перед такими перспективами, конечно, проигрывает.

– Да уж, – хмыкаю я. – Дел у вас и правда много. А папе что, разве работать не нужно? – невзначай роняю я вопрос.

– А он отпросился! – радостно «сдает» Егорка отца и убегает умываться.

– Отпросился? – вопросительно смотрю на появившегося на экране Игоря.

– Отпросился, – кивает он и больше ничего не собирается объяснять.

– Ясно. Ладно, мне тоже пора, француза встречать, – я прощаюсь с Игорем.

И меня неприятно царапает то, что он даже не интересуется, что за работа и для кого я буду переводить. Хотя он же заявил, что у нас военное положение, так чего я тогда жду от него? Другого отношения не будет.

Впрочем, я уже давно перестала делиться с ним и рабочими моментами, и личными переживаниями, и мыслями.

Смотрю на часы. До встречи еще достаточно времени, и я успею в суд.

Судя по тишине в квартире, мама еще спит. Быстро варю себе кофе, заглатываю его. Пока меня не оставила решимость, одеваюсь, привожу себя в порядок и несусь в суд.

А когда я оказываюсь перед монументальным серым зданием, вся моя решимость куда-то исчезает. Я до дрожи в поджилках боюсь всяких организаций, а перед судом у меня вообще какой-то священный трепет. Но я мысленно отвешиваю себе пощечину, – «Соболевская, соберись» – открываю тяжелую металлическую дверь и вхожу в святая святых закона и порядка.

Глава 13

Оказывается, что я совершенно зря боюсь. Секретарь в канцелярии суда дает мне образец искового заявления, я его заполняю. Когда она принимает от меня документы, пробегает глазами заявление и удивленно поднимает брови.

– Нет материальных и имущественных претензий, правильно?

Я киваю.

– Но определение места жительства ребенка спорное, так?

– Так, – соглашаюсь я. – Муж с большой вероятностью не захочет, чтобы сын оставался со мной.

– Понятно. Что ж, это будет определять суд. Вот, дата первого заседания, – она пишет мне на бумажке дату.

– Так долго! – не удерживаюсь я от удивленного возгласа.

– Очень много заявлений и бракоразводных процессов, это еще быстро, – пожимает плечами секретарь. – Да, и не забудьте отправить почтой копию искового заявления второй стороне.

Я огорченно киваю. Что ж, начало положено, это главное. Эта мысль подбадривает меня, и я уже практически бегом отправляюсь на встречу с французом.

Свою нанимательницу Ольгу я раньше не видела, но чутье подсказывает, что это точно она. К тому же, она держит в руках табличку с именем француза.

Ольга ошеломляет с первого взгляда. И я даже как-то теряюсь от ее вызывающей красоты и ухоженности. Начинаю судорожно приглаживать свои наверняка закрутившиеся в барашка от влажности кудри. Я, конечно, тоже выгляжу на все сто, но Ольга как фотомодель с картинки.

Высокая, с идеальной фигурой, с длинными гладкими темными волосами. Это не она случайно в рекламе красок для волос снималась? Где модель встряхивает своей блестящей копной волос? Правильные черты лица, идеальный макияж. Впрочем, в ней всё идеально. Она олицетворяет собой для меня идеальный образ красивой женщины.

Я подавила завистливый вздох. Еще один. И второй тоже.

Ладно, я тоже неплохо выгляжу, мысленно машу я рукой и уже с улыбкой иду на встречу в зону «Прибытие».

– Ольга? Это ведь вы мне звонили? Анна Соболевская, – представляюсь я своей девичьей фамилией и по-европейски подаю ей руку для рукопожатия. Но Ольга протянутую руку игнорирует, морщит носик и просто кивает в ответ.

– Рада знакомству и сотрудничеству, – говорит она и показывает глазами в сторону ворот прибытия, откуда уже выходят прилетающие из Парижа. Я независимо пожимаю плечами. Действительно, зачем с нами, плебеями, здороваться за руку, мы же обслуживающий персонал.

Прилетевший француз находит нас сразу по табличке с его именем, которую держит в руках Ольга. Вот он с легкостью здоровается со мной за руку.

– Якоб Пеню, pour vous servir, к вашим услугам, – представляется он и по-старомодному галантно целует мне руку. Люблю я французов за этот их неуловимый шарм!

– Bienvenue à Saint-Pétersbourg, Jacob! – приветствую его я.

– О, у вас прекрасное произношенье, – с восхищением отмечает Якоб.

Оказывается, он довольно сносно владеет русским, на бытовом уровне. И я не понимаю, в чем была такая срочность, чтобы я присутствовала.

Ольга моментально «считывает» промелькнувшую тень недовольства на моем лице.

– Анна, мне требовалось ваше присутствие при встрече Якоба, чтобы вы познакомились с ним ну и чтобы мы сразу все вместе поехали в павильон. Сегодня вечером уже открытие выставки, у нас дел невпроворот, – говорит она.

– Как – сегодня вечером? – удивленно переспрашиваю я. – Разве не завтра, причем, утром? Про вечер мы не обговаривали мою участие.

– Анна, мы с Якоблом немого переиграли сроки открытия. К тому же, всё упирается в сроки аренды помещения, – невозмутимо отвечает Ольга. – Вы что, хотите отказаться?

– Нет, конечно, нет, я же уже согласилась, просто для меня это немного неожиданная новость, – пробормотала я.

– У вам были планы на вечер? – бесцеремонно спрашивает Ольга.

– Нет, но…

– Ну раз нет, то и переживать не о чем, правда? – широко улыбается мне Ольга, а я вижу вместо улыбки оскал акулы, все её несколько сотен зубов. Она же отворачивается от меня и идет к ожидающему нас такси, а меня передергивает. Вот уж хваткая особа, ничего не скажешь. Что ж, она на какое-то время мой босс, а значит – улыбаемся и киваем.

Якоб галантно распахивает перед нами двери такси, и мы устраиваемся.

– Анна, у вас есть более подходящая случаю одежда? – небрежно спрашивает Ольга.

Ну конечно же, я всегда ношу с собой запасное вечернее платье, вдруг забреду на открытие выставки. А вслух отвечаю:

– Нет, я же не предполагала, что открытие будет сегодня. Но я могу съездить домой и вернуться уже к выставке. Раз Якоб так прекрасно говорит на русском, то острой необходимости в моем присутствии же нет? А к началу торжества я уже вернусь.

Мы какое-то время едем молча. Якоб с интересом оглядывается, смотрит в окно такси широко распахнутыми глазами и бормочет что-то себе под нос на французском.

– Что ж, давайте так и поступим, – отмирает Ольга. – Только постарайтесь к семнадцати часам уже быть на месте, на Большой Морской. Знаете же, где РОСФОТО?

– Конечно, – пожимаю я плечами.

– Тогда мы сейчас довезем Якоба до гостиницы и оттуда можете ехать домой, – царственно кивает мне Ольга. Я же про себя только фыркаю, но киваю в ответ.

С Якобом мы тепло прощаемся до вечера, с Ольгой просто киваем друг другу, и я еду к маме. Платья у меня нет, зато есть элегантный брючный костюм, который вполне может заменить платье. Я же не на вечеринку собираюсь, к тому же, костюм вполне соответствует статусу переводчика.

Когда я добираюсь до дома, то оказывается, что времени у меня остается впритык. Мамы дома нет, и я ношусь по квартире, оставляя за собой бардак и хаос. Надеюсь, она меня простит. Так как мне по работе часто приходится оставаться у мамы, то я здесь на всякий случай держу и одежду, и всякие женские штучки для красоты.

Я стараюсь придать волосам хоть какое-то подобие прически, разглаживая их утюжком. Совсем гладко не получается, но кудри приобретают ухоженный вид. В последний раз кидаю взгляд в зеркало, остаюсь довольна своим видом и вызываю такси через приложение. На метро было бы дольше, и не хочется нестись сломя голову в мыле и в пене. Тем более что от влажного воздуха волосы даже при сильной фиксации рискуют закрутиться обратно. Хочется все-таки сохранить подобие прически. Как же я устала от своих кудряшек, кто бы знал!

На часах уже без пяти пять, когда я вхожу в выставочный зал. Ищу глазами Ольгу и Якоба. Его я вижу около фото-

графии слона, что-то втолковывающего своему собеседнику, пожилому мужчине представительного вида.

А Ольга стоит по мне спиной под руку с высоким атлетически сложенным мужчиной. Пока иду в их сторону, я отмечаю и его дорогой костюм, и осанку, и спортивную фигуру. Костюм отлично подчеркивает и широкие плечи, и аппетитный зад. Хм. Я невольно засматриваюсь на зад мужчины. Впрочем, нет, одергиваю я себя, не на зад, а на спину. Да. А он как будто чувствует мой прожигающий взгляд и оборачивается.

– Кудряшка? А ты что здесь делаешь?

Глава 14

Семнадцать лет назад

В больнице я пролежала еще неделю. Внеплановые каникулы я переносила тяжело, хотелось поскорее выбраться на воздух. Духота и синие, покрашенные масляной краской стены палаты давили.

Как выяснилось, ничего, кроме сотрясения и синяка, у меня не было. Мама, когда это услышала, выдохнула и даже просветлена как-то. Новость, что надо мной могли надругаться, её сильно подкосила.

Саша приходил каждый день и приносил апельсины.

– Ну вот куда мне их столько, скажи? Я не успеваю съесть предыдущие, ты тащишь новую партию. Ты понимаешь, что я теперь буду их ненавидеть? – ворчала я.

Я, конечно, лукавила. Апельсины я любила, очень. И готова была поглощать их килограммами.

– Съешь. А пока все не съешь, отсюда не выйдешь. Тебе нужны витамины, – таким же ворчанием отвечал мне Сашка.

А в какой-то день он пришел с фингалом под левым глазом.

– Мы теперь с тобой гармоничная парочка, – рассмеялась я. – Ну а что, друзья же должны делить и радости, и горе. Синяки вот тоже. Сашка, ты же мне друг?

– Ну какой же я тебе друг, скажешь тоже, я твой парень,

– ответил он и поцеловал.

Я застыла от неожиданности, ведь на самом деле, я впервые целовалась с парнем, но я об этом никому не говорила. А потом у меня что-то лопнуло внутри и разлилось жаром по всему телу. Сашка целовался умело, со знанием дела. И когда только успел натренироваться? Главное, с кем, обожгла гневная мысль. Но я решила этот вопрос выяснить потом.

Я ответила ему сначала неумело, робко, зажато, но потом расслабилась и полностью отдалась во власть Сашкиных губ. Мягких, влажных, умелых. И рукам, которые уже залезали под сорочку.

– Ммм, Саш, – замычала я протестующе. И как раз от двери послышалось покашливание.

– Так, молодежь. Будем считать, что я ничего не видела, а вы ничего не делали, – строго сказала мама. А потом добавила со смешинками в глазах. – Давайте вы хотя бы это будете делать не в больничной палате. А то ну прямо фу. Никакой романтики. С таким-то цветом стен еще.

Мы с Сашей расхохотались. Он так и не отпустил меня из объятий при появлении мамы и обнимал, бережно прижимая к себе.

– Мама у тебя просто отпад, – шепнул он мне на ухо. Я согласно кивнула. Сама знала, что мама у меня самая лучшая и демократичная.

– А ну брысь, – зыркнула она на Сашу. – Вон на стул садись. Дети мои, что вы знаете о контрацепции?

– Ну, мааа, – простонала я, а Саша хмыкнул.

– Не «ну мааа», – передразнила она меня. – А это важно.

– Да знаем, знаем, – закатив глаза к потолку, проворчала я.

– Зинаида Андреевна, не переживайте, Аня в надежных руках, – Сашка театрально поклонился, а потом взял мамину руку и поцеловал.

– Ты у меня еще благословение попроси, клоун, – проворчала мама, отбирая руку.

– И попрошу. В свое время. Но, как вы правильно заметили, цвет стен не располагает к романтике, – белозубо улыбнулся Сашка, а я залюбовалась им. И в который раз поразилась – почему он, такой весь успешный, красивый, обаятельный, из обеспеченной семьи дипломата, делает рядом со мной?

– Ну-ну, – скептически хмыкнула мама. – Тебе удалось узнать, что с теми поцами сделали?

– Знаю, – нехотя ответил Саша и покосился на меня. – Если опустить все подробности, то ни они, ни Ольга больше не учатся в нашей школе.

– Славно, – мама удовлетворенно кивнула. – Еще бы заявление в полицию подать, чтобы гарантированно по заслугам получили и кровь им попортили.

Саша только криво усмехнулся и покачал головой.

– Но попытаться нам никто не мешает? – мамины глаза кровожадно блеснули.

– Мам, не надо, – поморщилась я. – Ну зачем? Это ничего не даст все равно.

Мама задумчиво посмотрела на меня, потом махнула рукой.

– Может ты и права. Этих ушлепков все равно отмажут, а тебя затаскают.

Мама посидела еще минут тридцать с нами и, сославшись на рукопись, которую еще нужно править, ушла. Предварительно строго посмотрев на Сашу. А он вытянулся по стойке «смирно» и изобразил скаутский салют. Мама фыркнула и вышла из палаты, громко смеясь.

– Вы с мамой одинаково фыркаете, – Саша сел ко мне на кровать и нежным жестом убрал непокорную спиральку с моего лба.

Я фыркнула.

– Вот-вот, именно так, – улыбнулся он. – Ты же придешь на мой день рождения?

– А ты приглашаешь? Кстати, когда он у тебя?

– 1 января. Конечно, приглашаю. Причем, ты будешь единственной гостьей. В нашем загородном коттедже. Ты и я, согласна?

Глава 15

Аня, настоящее

– Саша? – удивленно спрашиваю.

Ольга тоже оборачивается и удивленно переводит взгляд с меня на Сашу.

– Вы знакомы? – она высокомерно приподнимает одну бровь.

– Мы вместе учились. Рад тебя здесь видеть, – с улыбкой произносит Саша и делает неуловимое движение навстречу мне. Но Ольгина рука, вцепившаяся в его локоть, удерживает.

– Анна здесь работает. Я ее наняла в качестве переводчика, – сразу определяет она мой статус на этом вечере. – Пойдем, я тебя познакомлю с Якобом, – мило улыбается она Саше.

– Анна, держитесь, пожалуйста поблизости, – это она бросает уже мне, холодно.

Меня затапливает раздражение. И от ее тона, и от того, что она знакома с Сашей и, судя по всему, близко, и что она вцепилась в него мертвой хваткой.

Стоп. А почему это меня так задевает? Мне то какое дело, с кем он общается. Но внутренний голос нашептывает, что есть дело. Я на него шикаю, и он покорно отползает в сторону.

Мне приходится держать лицо, следуя за ними по выставке. Анна никак не хочет отлипать от Саши. Я же, когда Якоб справлялся сам и не требовал перевода, украдкой наблюдаю за ними. И во мне эти моменты поднимается что-то темное, злобное, такое, о существовании которого я даже не подозреваю. Никогда такого не испытывала по отношению к мужу, даже когда узнала о его измене. А тут… Я даже зажмуриваюсь от нахлынувших эмоций и воспоминаний. Господи, Сашка, ну зачем ты свалился на мою голову? Именно сейчас, когда и без тебя полно всего.

Я отворачиваюсь от очередной фотографии Якоба и натыкаюсь на обжигающий взгляд Саши. Он смотрит на меня так, как тогда, много лет назад.

И я проваливаюсь в этот взгляд и воспоминания.

*

– Соболевская, ну сколько тебя ждать? – девчонки подбежали и увидели нас, в укромном уголке, где, думали, что нас никто не найдет. Все уже знали, что у нас «отношения». И что «Ильинский за свою Соболевскую всех порвет».

– Все понятно с вами. Обжимайтесь дальше, не будем мешать, – и они, хихикая и перешептываясь, ушли.

А я весело посмотрела на Сашу. И изобразила свой коронный мимический жест – задрала вверх одну бровь. Правую.

– Мы обжимаемся? – высокомерно спросила я.

– Мы разговариваем, – улыбнулся мне Саша.

– Ах, ну да, сейчас это так называется, – хмыкнула я.

– А еще немного целуемся, – сказал он, наклоняясь к моим губам.

Его поцелуй был нежным, невесомым. Но мне показалось этого мало. Наверное, портвейн, который девчонки протащили на вечер, сыграл свою роль. Тормоза отказали. Я подалась навстречу, обхватила его за шею и приоткрыла губы. И у Саши сорвало крышу. Он впился в мои губы жадно, раздвигая их, врываясь языком. Напористо, жарко, страстно. Я вжималась в него все теснее, я хотела раствориться в нем вся полностью, без остатка. Он подхватил меня за ягодицы, впечатывая в стену. Я обняла его ногами, стараясь быть как можно ближе к нему. Но он оторвался от меня и простонал мне в губы.

– Аня, я безумно хочу тебя, но если ты продолжишь так вжиматься в меня, то я возьму тебя прямо здесь.

– Бери, – я была согласна на все.

– Нет, я хочу не так и не здесь, – он, тяжело дыша, немного отстранился от меня. – Я хочу, чтобы твой первый раз был не у стены, понимаешь?

Я кивнула. Мне стало стыдно, я мучительно покраснела, вдруг осознав, как сейчас себя вела с ним. Слишком раскрепощенно и слишком откровенно. Еще и предложила сама себя. Позорище. Но Саша знал, что у меня никого не было, и он у меня – первый во всех смыслах. Первый парень, первый поцелуй был именно с ним, первый секс тоже будет с ним. Он же нежно улыбнулся и легко поцеловал.

– Поверь, мне сейчас тоже очень плохо. И перестань надумывать всякую ерунду, хорошо? А мне вообще фигово, еще как-то идти нужно, – и он опустил глаза, взглядом показывая на то, из-за чего, собственно, ему будет тяжело идти.

– Ой, – подавилась я смехом.

– Ах тебе смешно, – грозно сказал он, и опять прижал меня к стене, глядя мне в глаза. – Поедешь ко мне на дачу на выходные? Предков не будет, они в командировке.

Его взгляд так горел, но при этом там была такая нежность, что у меня в ответ на этот взгляд как будто взорвался вулкан и внутри разлилась лава.

Конечно, я поехала. У меня не было ни одного шанса отказать ему.

*

Сейчас взгляд Саши был таким же, как тогда. Может, мы одновременно вспомнили один и тот же эпизод?

– Анна, s'il vous plaît, помогите объяснить, я не совсем понимаю, как это en russe, – подхватывает меня за локоть сбоку Якоб. Я смаргиваю и вижу, что Саша уже не смотрит на меня, а ищет кого-то глазами. Я вспоминаю, зачем я на этом вечере и покорно иду за неугомонным, но очень милым и обходительным французом.

Через два часа почти беспрерывного говорения я понимаю, что силы заканчиваются. Но и открытие как раз подходит к концу.

– Анна, мы дальше едем с Якобом на закрытую вечеринку,

ваше сопровождение сегодня уже не потребуется, – подходит ко мне Ольга с Сашей под руку.

Интересно, она его вообще никогда не отпускает или просто приклеила к себе не отдираемым клеем? И обращается она ко мне так, как будто я предоставляю услугу эскортницы, а не переводчика. Синхронного, между прочим.

Я зло щурюсь на руку, которая прилипла к Сашиному рукаву. Может, посоветовать растворитель, чтобы отлипла?

– Какая программа на завтра? – перевожу на нее взгляд, стараясь обуздать свою злость. Боковым зрением замечаю, что Саша улыбается уголками губ. Кидаю быстрый взгляд на него и вижу, что его глаза искрятся смехом. Он видит меня насквозь. До сих пор. Как будто не было между нами всех этих лет.

– Завтра у нас обзорная экскурсия по городу, начало в двенадцать. Вы нужны обязательно. Подъезжайте к гостинице. После обзорной мы пойдем в Эрмитаж, вы можете с нами не ходить, – милостиво разрешает она, – там будет аудиогид. Ну а после всего у нас ужин в ресторане с коллегами Якоба по цеху. Форма одежды, – она окидывает меня оценивающим взглядом, – парадная и вечерняя.

– Что же, тогда до завтра, – прощаюсь я со всеми. Якоб галантно целует мне руку.

На Сашу же я больше не смотрю. Почему-то становится очень неприятно от мысли, что они с Ольгой сейчас поедут на вечеринку вдвоем, а потом… «Соболевская, что потом,

тебя должно было перестать волновать уже тогда, когда вы расстались», одергиваю я себя.

Я слышу звук входящего сообщения и, уже выходя из зала, открываю мессенджер. И, как будто в насмешку, вижу сообщение от Саши.

«Соболевская, пошли со мной на свидание?»

Глава 16

Я с недоумением смотрю на сообщение. А потом решаю расставить все точки над ё.

«Саша, напомню тебе, вдруг ты забыл ну или просто не знал – я замужем. У меня есть маленький сын. У меня нет ни времени, ни желания с тобой встречаться вне нашей совместной работы. И на свидания с тобой я не собираюсь. Нам не по восемнадцать лет уже. И все, что было в прошлом – в прошлом».

Отправляю сообщение и зачем-то жду, когда галочки поменяют цвет. Прочитал. И я даже вижу, как упрямо и непримиримо сжимаются его губы.

Саша: *«Насколько я знаю, ты подала на развод. И я давно хотел познакомится с твоим сыном. Кудряшка, ты еще не поняла? Я тебя больше не отпущу».*

И как он узнал?!

Я: «Почему же отпустил?»

С.: «Потому что дурак был. Но больше я такой ошибки не допущу».

Я: «Не слишком поздно спохватился?»

С: «Никогда не поздно. Ань, всего лишь чашка кофе. Нам все равно вместе работать, не забыла?»

Не забыла, конечно, Саша, я не забыла. И на самом деле, очень хочу встретиться, но тебе об этом знать не нужно.

Я: «Вот когда нужно будет встретиться по работе, тогда и встретимся»

Я отправляю сообщение, убираю телефон в сумку и иду в сторону метро, чтобы заехать к маминому дому за машиной. Придется ехать домой, здесь у меня нет вечернего наряда, и скорее всего я соберу сейчас все пробки по пути. Но был в этом и плюс – я увижу Егорку, соскучилась жутко.

Как ни странно, выехать из города удается без забойного стояния в пробках и вскоре я уже подъезжала к нашему коттеджному поселку. Проезжаю мимо охраны, здороваюсь, и в зеркало заднего вида вижу, что один из охранников что-то кричит мне вслед и машет рукой. Я, понятное дело, ничего не слышу. Может, с машиной что-то? Багажник открыт? Останавливаюсь, открываю окно и высовываюсь вопросом:

– Что-то случилось? Багажник вроде закрыт.

– Анна Андреевна, у вас там… – к машине, чуть запыхавшись, подбежал охранник. – У вас там…– он немного замялся, – гости.

– Да? И что? – мне было непонятно, почему охрана решила мне об этом сообщить.

– Просто, Анна Андреевна, не удивляйтесь. Мы решили вас предупредить, чтобы неприятного сюрприза не случилось, – чуть виновато произнес охранник.

Чудесные ребята все-таки здесь работают. Я благодарно кивнула ему, задумчиво постучала пальцами по рулю и двинулась вперед. Кажется, я догадываюсь, кто у нас в гостях…

Я открываю дверь ключом и мне навстречу с лаем вылетает Дейзи.

– Ты ж моя девочка, здравствуй, – сажусь я на корточки и обнимаю за шею собаку. – А где Егорка?

Дейзи со звонким лаем уносится обратно в гостиную.

– Мама? – слышу я любимый голосок. – Мама приехал!

И ко мне в объятия ныряет мой сын. Обнимаю его, крепко прижимаю к себе, утыкаюсь носом в волосы и вдыхаю родной аромат.

– Соскучилась, – бормочу ему в макушку. – Ну а вы тут как, скучали?

– А нам было некогда, – с детской непосредственностью отвечает Егорка. – У нас в гостях Лена со Светиком.

Лена, значит.

Вхожу в гостиную и вижу чудесную, почти семейную картину. Игорь с Леной почти что в обнимку сидят на диванчике перед плазменной панелью, Светик играет в железную дорогу. Видимо, они вместе с Егоркой собрали и сейчас играют в нее.

– Что. Здесь. Происходит.

У меня от бешенства темнеет в глазах, говорить получается только отрывисто.

И только сейчас они замечают меня. Игорь лениво убирает руку с плеча Лены, а Лена нахально улыбается мне.

– Я же тебе говорила, что буду здесь жить? – усмехается она.

Но я ее не слушаю, а смотрю только на Игоря.

– Не хочешь мне ничего объяснить? Почему в моем доме твоя шлюха? Да еще и при нашем сыне?

– Ах ты, дрянь, – подскакивает ко мне Леночка, занося для пощечины руку, – выбирай выражения.

Но ее движение перехватывает Игорь.

– Лена, остынь. Де-юре она права. Иди, Ленок, охладись куда-нибудь, а мне с благоверной поговорить нужно, – нагло ухмыляется Игорь.

И что удивительно, но Ленок беспрекословно его слушается. Молча разворачивается, берет за руку Светика, и они идут в сторону спальни. Моей спальни.

– Ты хотела войну, Нюта? – Игорь так незаметно подошел ко мне, что я вздрогнула от неожиданности. – Ты ее и видишь. Ленок со Светиком будут теперь жить с нами. И будем мы жить все одной большой и дружной семьей.

Он ласково провел по моей щеке рукой. Меня передернуло.

– Ты в своем уме? Я не допущу этого. Я забираю Егора, и мы немедленно уезжаем. И еще, Игорь. Я подала на развод. И если ты не желаешь полюбовно делить дом, то я займусь продажей своей доли. Мне не нужно для этого твое согласие, я узнала у юриста, – я твердо смотрю на Игоря, который находится ко мне так близко, что я вижу, как от злости расширяются его зрачки в глазах.

Тем не менее, он отступает, и я вдыхаю облегченно, пол-

ной грудью. Оказывается, всё это время я стою, задержав дыхание и почти не дыша. Ну вот, все не так и страшно, как я себе представляла.

– Ну, продать долю ты, конечно, можешь, но вот Егора навряд ли заберешь, – небрежно говорит Игорь и сует мне под нос какую-то бумажку. – Читай. И иди собирай свои вещи и сваливай сама на все четыре стороны, но без сына. По поводу продажи доли с тобой свяжется мою юрист.

Я опускаю взгляд на бумажку, которую сунул мне Игорь.

Перед мной постановлении судьи о том, что судьей таким-то было вынесено решение об определении места жительства Егора Аверина с отцом, Игорем Игоревичем Авериным. Причина – привычное окружение для ребенка, лучшие условия проживания, а также в силу того, что «мать постоянно проживает вне дома и не может должным образом следить за воспитанием сына».

Глава 17

Алекс

«Вот когда нужно будет встретиться по работе, тогда и встретимся».

Я читаю пришедшее от Ани сообщение и хищно прищуриваюсь. По работе, значит. Что ж, принято, Соболевская. Все равно ты так от меня не избавишься. Больше нет.

Я понимаю, что не хочу ее терять. Когда увидел ее у Зинаиды Андреевны, в особенности эти ее кудряшки, которые еще больше закручиваются от влажной питерской погоды, сердце затопила такая нежность. Что даже больно стало.

Нет, Кудряшка, я в этот раз все для себя решил. Больше я тебя не упущу.

Пока Ольга развлекалась со своей выставкой, я наводил справки, узнавал, разговаривал. И каково же было мое удивление, когда я узнал, что творит муж моей Ани. Скотина. Ну ничего, Аня уже сделала полдела, подала на развод. Дальше… А вот дальше в игру вступлю я.

Я улыбнулся. Что ж, как там тебя, Игорь? Держись, Игорь, никто не может безнаказанно обижать мою девочку.

Я прекрасно помню, что сразу же заметил ее тогда, в классе. Она одна не смотрела на меня, более того, презрительно кривила губы. Это и привлекло. А еще быстрый острый взгляд и эти ее кудряшки. Я влюбился в них сразу. В ее аро-

мат, который сшиб мне все мозги еще тогда. Аромат меда и специй. Что-то восточное, притягательное и такое очень *её*. Моя медовая девочка. А когда я увидел ее, лежащую без сознания в том переулке, меня перемкнуло… Костяшки даже сейчас заломило, так я тогда оторвался на их рожах. И спасибо отцу, помог их убрать из школы.

Перед глазами проносятся мгновения, когда мы с Аней вместе. И как я тогда был счастлив. Что же потом, Ильинский? А потом умер отец. Эти воспоминания принесли ощущение пепла и табака на губах, очень захотелось курить. Шарю по карманам, но вспоминаю, что вообще-то бросил. Пришлось пообещать отцу перед смертью, что не брошу дипработу и поеду учиться туда, куда он укажет. Зачем я это сделал? Но разве умирающим отказывают? Вот и я не смог.

Я стою на Большой Морской и любуюсь красиво подсвеченным Исаакиевским собором. Как же я все-таки люблю этот город. И чего меня несет в эту Венесуэлу? Да уже и не несет, говорит мой внутренний голос. Ты же уже все для себя решил.

Зачем тогда пошел на поводу у старика? – Чтобы раньше времени палки в колеса не успел наставить, хитрый лис. Как же, все бы связи подключил бы, чтобы не потерять такого работника, преемника, так сказать, взращенного на отменных кормах. Зло усмехаюсь. Обломись, Евгений Юрьевич, вспоминаю я словечко из школьных времен.

– Саша, ты вызвал такси? – капризный голос Ольги выво-

дит меня из задумчивости.

Я молча киваю. Говорить не хочется. В это время как раз подъезжает такси. Мы подходим к машине, я открываю Ольге дверцу, она проскальзывает внутрь, и я за ней закрываю. Она с недоумением смотрит на меня через стекло.

А я изначально никуда с ней не собирался.

– Саша, что это значит? – спрашивает она, открыв окно.

– А ты не видишь? Ты едешь на вечеринку, я остаюсь, – равнодушно пожимаю плечами.

– Но ты не можешь… – беспомощно говорит она.

– Еще как могу и уже это делаю, – отвечаю я, разворачиваюсь и иду к метро.

Я знаю, где хочу очутиться.

Зинаида Андреевна оказывается дома.

– О, Саша, проходи, я как раз булочек напекла, – весело встречает она меня.

– Зинаида Андреевна, а Ани нет? – спрашиваю, проходя на кухню.

– Нет. Но она позвонила, предупредила, что едет. И знаешь, Саш, голос у нее была нехороший…

Она замолкает, расстроенно морща лоб.

– Очень переживаю за нее, еще же и по трасе едет, – Зинаида Андреевна нервными движениями заваривала чай, не рассчитала и пролила кипяток. – Ай.

– Обожглись? Давайте, я все сделаю, – подскакивая ю, забираю чайник и все делаю сам.

– Аня прекрасно водит машину, не стоит переживать, – уверенно говорю я, понятия не имея, какой на самом деле водитель Аня.

– Да, ты знаешь? Ну хорошо, раз ты так говоришь, – она успокаивается почти мгновенно.

– Зинаида Андреевна, – я нерешительно замолкаю. Но мне нужно это узнать, поэтому продолжаю. – Как думаете, Аня сможет меня простить когда-нибудь?

–Ох, Саша, наворотил ты тогда дел… Ну вот нельзя было сказать все начистоту? Она ведь ждала тебя, слезами умывалась. А потом стала менять мужиков, как перчатки, – я нахмурился на эти ее слова. Было неприятно слушать, как Аня встречалась с другими мужиками.

– Вот тогда пей и попался этот Игорь. Охмурил ее вниманием. А она, считай, как спелая вишня ему в руки упала, – Зинаида Андреевна вздохнула. – Ухаживал он, конечно, красиво, ничего не могу сказать… Но если бы ты вернулся тогда, она бы всё и всех бросила бы. Любила она тебя сильно.

– А сейчас? – тихо спросил я.

– Ну ты даешь, друг мой. Не думаю, она мужа любит, – уверенно заявила Зинаида Андреевна. – Да ты чай-то пей.

И она подтолкнула ко мне чашку с чаем.

А у меня от ее слов все опустилось внутри. Да нет, не может Аня, моя нежная медовая Аня, любить такого мудилу. Но тебя же любила, шепчет внутри кто-то вредный. Или это голос моей совести?

– Зинаида Андреевна, а что мне сделать, чтобы Аня меня простила? – я в принципе, знаю, что именно, но совет Аниной мамы наверняка будет полезным.

– Адвоката ей найди толкового, – ворчливо отвечает она.

И в это время слышится звук открывающейся входной двери.

– О, моя птичка прилетела, – с этими словами Зинаида Андреевна выходит из кухни. Я выхожу за ней, и, скрестив руки на груди, прислоняюсь к дверному косяку кухни. Но тут вижу лицо Ани. Осунувшееся, замученное и заплаканное.

Что случилось за это время? Она же уезжала абсолютно другая.

– Мам, он забрал у меня Егорку, – выдавила через силу Аня и зарыдав, бросилась в объятия Зинаиде Андреевне.

Глава 18

Когда я вчиталась в текст постановления, то сначала не поверила.

– Это что такое? – онемевшими губами спрашиваю я у Игоря.

– А там что, неразборчиво написано? – холодно улыбается он.

– Но как? Ведь так неправильно, я тоже должна была присутствовать… – начинаю было я. – А, кажется, я поняла. Заседания никакого не было?

– С чего ты взяла? – наигранно удивляется Игорь. – Просто я сумел убедить судью и доказать, что ты редко бываешь дома. Отец Ленки вообще мировой мужик, все понял сразу, – ухмыляется он.

– Ах вот оно что… Я тебе не отдам сына. И я добьюсь аннулирования постановления. Или докажу, что оно было получено незаконным образом, – я смотрю ему в глаза прямо и твердо.

Игорь прищуривается.

– Нюта, ты мне угрожаешь?

– Нет, просто предупреждаю, чтобы ты не думал, что я это просто так спущу тебе. Я только не понимаю, зачем вот это все? Давай мирно разведемся и все. Зачем эти войны? – у

меня в голове не укладывается, как так можно поменяться свое отношение к женщине, которую сам же и выбрал. Как и когда наступил тот момент, что все стало именно так? Или так и было с самого начала? А я… Я просто затыкала дыру в сердце?

Счастье то, что есть Егорка. И вот за него я буду бороться, выгрызу зубами, но добьюсь своего.

– Но я же тебе предлагал мирный вариант. Нет, ты решила взбрыкнуть. Я тебя выбрал быть моей женщиной. И я не отпускаю тебя, Нюта, ты все еще *моя*, понимаешь? – с нажимом говорит Игорь. – И я надеюсь, что эта ситуация выбьет дурь из твоей головы.

– Ты совсем идиот? – устало выдыхаю. – Ты манипулируешь ребенком, чтобы я осталась? В вашем гадюшнике вместе с твоей любовницей? Будем соображать на троих? – я истерически хохочу.

– А что, – Игорь плавным движением оказывается совсем близко. Проводит рукой по линии декольте. Меня передергивает. – Неплохая идея, мне нравится.

– Меня сейчас стошнит, – глухо говорю и прикрываю рот ладонью. Меня действительно начинает мутить. И от всей ситуации в целом, и от похотливого масляного взгляда Игоря.

– Ну как знаешь, детка. Ты давай, если нужно, бери вещи и шуруй к мамаше. Нам детей нужно укладывать.

И он разворачивается и уходит.

– Ма, ты не переживай, мы справимся, – ко мне подскакивает Егорка.

– С чем справитесь, милый? – я обнимаю его, крепко прижимаю к себе, вдыхаю его аромат, такой родной и близкий.

– Ну ты же уезжаешь из-за работы? Папа мне все рассказал. И что тетя Лена со Светиком пока поживут здесь. Светик очень хорошая, мы подружились, – Егорка светится от радости, а мне так тоскливо, что хочется выть в голос.

Сама виновата, дура. Не нужно было соглашаться на эту работу. С другой стороны, Игорь уже лишил меня привычного круга общения, пытался и на работу замахнуться, но эту часть своей жизни я сумела отстоять. К тому же, это мой доход, от которого теперь зависит мое и Егоркино благополучие и будущее.

– Послушай, мой хороший, папа не совсем… – я хочу объяснить сыну, что папа не совсем говорит правду, но растерянно замолкаю. Я не понимаю, как пятилетнему ребенку объяснить, что происходит. И что, возможно, ему скоро придется уехать отсюда. Как это сказать, если я точно знаю, насколько Егорка любит отца?

– Что «папа не совсем»? – Егорка смотрит на меня внимательно, взгляд при этом у него совсем не детский. А может, сказать ему как есть? Дети зачастую сильнее, чем нам кажутся.

– Понимаешь, Егор, у нас с папой сложные отношения. И мы решили, что больше не можем быть мужем и женой. Так

бывает, когда взрослые люди не видят смысла продолжать отношения. Но у нас есть ты. Мы перестали быть кем-то друг для друга, но для тебя мы всегда остаемся родителями, понимаешь? Даже если мы с ним будем не вместе, – я стараюсь говорить понятно и мне кажется, это удается, потом что Егорка кивает с пониманием.

– Он тебя обидел? – задает неожиданный вопрос мой не по возрасту мудрый мальчик.

– Да, он меня обидел, очень сильно обидел, – решаюсь я на правду.

А Егор опять с пониманием кивает.

– Тогда все правильно, мамуль. Нельзя жить с тем, кто обижает. Вот у меня и в садике так, – доверительно сообщает Егор. А я настораживаюсь.

– Что в садике, милый? Тебя обижают?

– Бывает. Но я тогда с ними сразу перестаю общаться, вот как ты с папой. Мамочка, ты не переживай, работай спокойно, а я тут за всем пригляжу, – сын совсем по-взрослому гладит меня по голове.

– Ты – мой самый любимый мужчина. И очень заботливый, – смеюсь я и целую его. – Договорились. Пригляди тут за порядком, пока я не вернусь.

Я не знаю, как доехала до квартиры мамы. Все происходящее было как в тумане. Каким образом Игорю удалось это все провернуть? Отец этой шлюхи – судья? Если так, то будет сложно.

Дорога впереди расплывалась от слез, и я свернула с кольцевой на заправку. Нужно взять себя в руки и успокоиться. Я найду решение, обязательно.

Пью кофе, немного успокаиваюсь и еду к маме.

А когда я чувствую родной аромат, знакомый с детства, и слышу мамин голос, то меня прорывает. Сразу все нахлынуло. Видимо, все годы, что я держала в себе всё это дерьмо, решили выплеснуться водопадом слез.

– Ма, ну как же так, что же мне делать? Я не могу оставить ему сына, – рыдаю я у нее на плече.

– Зинаида Андреевна, у вас есть успокоительное? – слышу знакомый голос и только сейчас замечаю Сашу.

– Да, Сашуль, сейчас принесу, – меня поражает и мамино обращение и вообще то, как себя свободно чувствует здесь Саша.

А это нахал дипломатический подхватывает меня на руки и несет меня в мою комнату. Я пытаюсь вырваться.

– Ну, хватит, Кудряшка, не трепыхайся. Я тебя просто отнесу в комнату, а то тебя шатает, – невозмутимо говорит на мои попытки вырваться он.

А в комнате у меня начинается новый виток истерики.

– Саш, я не понимаю, что делать. Как он умудрился получить это решение без меня? – я рыдаю у него на груди, а он прижимает меня к себе так нежно, так бережно, как самую хрупкую редкость, которую нужно оберегать от всего мира.

Его руки глядят мои плечи голову, снова плечи. Прохо-

дятся по спине, прижимая меня к себе. Я на время забываю все свои горести, я так устала все это тащить в одиночку. Хочется разделить эту ношу с кем-то близким. И я благодарно приникаю к нему, к его теплу и нежности. Господи, как давно меня не держали в объятиях и не обнимали вот так нежно.

Собственно, так делал только он. И я вдруг понимаю, как я скучала по его рукам. Рукам именно этого человека, такого родного, самого нужного. Нежным, сильным, уверенным рукам, знающими мое тело как свое. Дыра в сердце начала заполняться. Я прижимаюсь к нему еще теснее, утыкаюсь в его шею и вдыхаю его аромат. Он его так и не сменил. Все те же древесные нотки, когда закрываешь глаза и кажется, что ты идешь по лесу после дождя, и откуда-то доносятся нотки дыма костра.

– Кудряшка, – хрипло зовет Саша и я поднимаю к нему лицо, пристально всматриваясь в глаза. – Как же я скучал.

– И я. Очень скучала.

Он всматривается в мои глаза, наклоняется к моему лицу все ближе и его губы накрывают мои.

Глава 19

Сначала поцелуй был нежным, осторожным, как будто Саша примеривается, исследует, пытается понять, отвечу или оттолкну. А у меня нет сил его оттолкнуть, я так соскучилась по его теплу, которое он мне всегда давал, что я сама страстно приникаю к его губам. А Саша только этого и ждет. Моментально перехватывает инициативу и начинает целовать жадно, требовательно, обхватив мое лицо ладонями.

– Кудряшка маленькая моя, никуда больше не отпущу, – выдыхает он, подхватывает меня на руки и несет к кровати. Кладет бережно, нависает надо мной, пристально разглядывая каждую черточку.

– Не отпускай, – соглашаюсь я и сама тянусь к нему за поцелуем.

Его не нужно упрашивать. Он впива

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.